

Лена Тулинова

— — — — —
**Хозяйка пекарни
и волшебник из Грюнфорта**

Лена Тулинова

**Хозяйка пекарни и
волшебник из Грюнфорта**

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Хозяйка пекарни и волшебник из Грюнфорта / Л. Тулинова —
«Автор», 2026

В сказочной стране Денмаре живёт молодая вдова Инге Ольсен. Решив открыть небольшую пекарню в Грюнфорте, она оказывается соседкой волшебника, а там и чудеса не заставляют себя ждать. Но в канун Рождества не все чудеса оказываются добрыми. То недобрый тролль появится, то заглянет бывшая свекровь... Однако у Инге есть добрые друзья и хорошие соседи, а с ними и беда не беда! Присутствуют вызывающие аппетит сцены! Рекомендуется читать на сытый желудок или вооружившись печеньками, булочками и вафлями.

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Хозяйка пекарни и волшебник из Грюнфорта

Хозяйка пекарни и волшебник из Грюнфорта
сказочное фэнтези 419 975 зн. (10,5 а.л.)

Лена Тулинова

2021

Пролог

Добро пожаловать к нам, на Север. А если точнее, то в страну Денмаре, где до сих пор живут сказки.

Зима в Денмаре не так сурова, как в Виэнема или в Скаанди, говорят нам учебники естествознания. Если открыть карту, то на ней Денмаре будет похожа на аккуратную буханку хлеба с отрезанной горбушкой – полуостровом Лезенди. Далеко не кроткое море Лёнмарк омывает Денмаре с северо-запада, а с остальных сторон – суша. И вот эту-то сушу с середины ноября и до начала марта заметает снегом. У здешних жителей есть даже определение многоснежности денмарской зимы! «Снега по колено», – говорят они, и значит, его выпало маловато. Или «сугробы по самые брови» – что, конечно, многовато.

В столице Денмаре, Даттё, «по брови» не бывает! Дай-то бог, если к Рождеству наметёт по пояс. Вот радости тогда! На площадях наряжают вековые ели, устраивают катания с гор, и повсюду продают еду. Особенно тут любят сладкие кексы, булочки с изюмом и пирожки! Вот почему в Даттё и его окрестностях так много кондитерских и пекарен.

Сказочного в городах Денмаре нынче не так уж много. Давным-давно в них рассказывают лишь старые-престарые волшебные истории, а новые словно и не рождаются вовсе. Но стоит выйти за город, и начинаешь верить в эти мифы, легенды и сказки. Разве вон на той высокой горе не видятся вам причудливые башни, одна из которых с большими часами? Разве по реке нельзя добраться до резиденции Ледяного короля? И разве великаны до сих пор не бродят по лесу?

А ближе к Рождеству разве не выбираются отовсюду различные сказочные существа – гномы, маленькие и большие хвостатые тролли, смешливые и вечно занятые работой ниссе, помощники Рождественского деда?

И тогда особенно захватывающе звучат эти предания, сказки и волшебные рассказы! Самая поздняя из них датирована серединой позапрошлого века, и с тех пор, кажется, в Денмаре крупных чудес не происходило. Это история о вдове, хозяйки пекарни «Фру Ольсен», о горячем хлебе, который она пекла, о волшебстве, которое она дарила людям. И это история об угольщике Ларсе Магнуссоне, который, по слухам, был последним волшебником в пригороде Даттё. Этот пригород, Грюнфорт, до сих пор помнит и тролля, и Ледяного короля. Там и по сей день вам поднесут кружку какао и булочку с корицей – и расскажут сказку о хлебе и угольке, сказку длинную и интересную. В ней-то и творятся чудеса! Да ещё какие!

Но по правде сказать, многие верят, что в Грюнфорте, как и в Денмаре вообще, волшебство ещё осталось и чудеса случаются. Просто они ещё не созрели, чтобы стать настоящими сказками! Время покажет. Быть может, через полтора-два столетия современные истории тоже станут чудесными.

А пока что укутывайтесь потеплее в пледы, берите в руки кружки с какао и имбирные пряники с глазурью. Устраивайтесь поудобнее, смотрите на пламя очага и слушайте сказку

про хозяйку пекарни и волшебника из Грюнфорта. Зимнюю, снежную, полную волшебных приключений, уюта и любви. Сказку, рассказанную сказочником из Даттё.

ГЛАВА 1. На новом месте приснишь жених невесте

– Эй, соседка! – окликнул кто-то сзади. – Помочь?

Судя по голосу – одна из местных соседок. Немолодая и страсть какая любопытная. Наверное та, что накануне вечером помогала заносить вещи.

Инге Ольсен с удовольствием ответила бы, но во рту были гвозди, поэтому она просто помотала головой. Под ногами шатко переваливалась лесенка-стремянка с одной подломленной ножкой, в правой руке был крепко зажат молоток, левой Инге держала вывеску. По примете, кто вывеску прибьёт – тот в лавке и хозяин! Поэтому, наверное, соседка и не обиделась, а просто примолкла. Не оглядываясь на нее, Инге поправила тёплый платок, крест-накрест обвязанный поверх суконного жилета, и вбила первый гвоздь, потом второй.

– Хозяйка, а хозяйка! А на работу берёте? – совсем юный голос.

Во рту оставалось ещё два гвоздя. Инге покачала головой и вбила третий – едва не упала со стремянки, качнувшись взад-вперёд, обрела равновесие, схватившись за стену... Потом приставила четвёртый гвоздь к последнему углу вывески и размахнулась молотком, и тут новый голос послышался за спиной:

– Эээй, фру пекарь, доброго тебе дня! Уголь покупать будешь?

Уголь был ой как нужен! Но Инге не успела сказать «да!» или кивнуть – молоток словно сам собой хватанул по замерзшему пальцу вместо гвоздя. Последний выпал и зазвенел о мостовую.

– Шлёп вашу плешь, герр угольщик, – вырвалось у фру Ольсен. – Этак ведь и без ногтя можно остаться!

Продавец угля, совсем не старый и, как водится, чумазый, словно чёрт, белозубо улыбнулся и поднял гвоздь.

– Мы тут помочь тебе пытаемся, фру пекарь из города Даттё, – сказал он. – Но ежели ты думаешь, что на всю улицу одна такая красавица, то так и быть, отстанем. А только когда будешь торговать своими кренделями да булками – подумай, кому ты их будешь продавать, как не нам! Так что ты лучше не ругайся, ты лучше принимай помощь!

Инге огляделась. Оказывается, соседи по улице никуда не делись. И добродушная толстенная тётушка, и щербатый паренек лет шестнадцати, её внучатый племянник – да-да, именно они помогали вчера молодой вдове разгружать телегу. И ещё человека три-четыре собралось возле старой пекарни. Все они притопывали да прихлопывали на холоде, и глазели на новенькую. Не то чтобы было на что посмотреть! Простое чёрное платье, серый фартук, такой широкий, что покрывал почти всю юбку, тёплый платок вокруг тела да вдовий чепец. Не слишком худая, но вовсе не толстая – некогда толстеть, работы полно! Из красоты разве что гладкая молочная кожа да серые с еле заметными желтыми крапинками глаза.

А вдова смотрела на жителей пригорода и вспоминала. Почти двадцать лет назад родители Инге переехали из пригорода Сюрфорт в центр Даттё, где девочку отдали в городскую школу. Там на неё примерно так же смотрели другие мальчики и девочки. Им было лет по восемь-девять, а Инге уже исполнилось одиннадцать, но она ещё только-только выучила буквы. В церковной деревенской школе их учили петь и молиться, а считать девочка наострилась и без школы, но вот грамотой не владела. Мальчики и девочки глазели скорее сочувственно, некоторые даже предлагали помочь, но в их дружелюбии Инге чудился подвох. И не зря: позже её многие обижали, пришлось научиться и сквернословить, и драться.

Так было и теперь. Жители пригорода под названием Грюнфорт обступили Инге, а она думала, что у них есть какие-то свои причины ей вредить. Из толстых шарфов торчали красные

носы, в воздух вырывался белый пар: ноябрь начался с бесснежных холодов, что поделаешь. И было страшновато и весело. Ну не драться же, в самом деле, с людьми из пригорода?

– Так что, хозяйка? Будем дружить? – угольщик протянул Инге руку. – И до речи, я вовсе не плешивый!

Шляпу он не снял, но его нельзя было в этом винить: холодно! Впрочем, его темные густые волосы были видны и из-под полей!

Инге спустилась с лесенки и оказалась вровень с новыми соседями. Пожала сначала чумазую руку угольщика, а потом все остальные, гладкие и шершавые, холодные и тёплые, в перчатках, варежках и без них. Рук прибывало по мере пожимания, и оказалось, что их хозяева вовсе не враждебно настроенные люди.

– Уголь нужен, – сказала Инге, неожиданно для себя находя силы улыбаться, – и дрова не помешают, а еще печника бы, а то труба дымит. И помощник нужен, чем шустрее, тем лучше. Быстро ли вы бегаете, молодой человек? – спросила она у того паренька, который предлагал помощь. – И хорошо бы узнать, где ближайшая мельница! И если кто есть, чтобы помочь конюшню в порядок привести, милости прошу! Отплату пиром на весь мир, в воскресенье после мессы.

– Вот это по-нашему, – обрадовалась тётушка. – Ну, давай знакомиться! Тебя-то, мы уж вчера прознали, Инге Ольсен зовут. А я вот фру Тью-Нила Ильссон, или проще: тётушка Тьюли, а это внучатый племянник мой...

– Нильс Ильссон, тётушка Тьюли, я помню! – ответила с улыбкой Инге.

И выдержала ещё один круг знакомств и рукопожатий.

К вечеру большая печь в пекарне больше не дымила, пони Инге был накормлен, обихожен и вычищен юным Нильсом Ильссоном, мука заняла почётное место в кладовой, а в кухне поселилась черная кошка с белоснежными носочками и белым пятном на мордочке. Счастливая расцветка! А с кошкой ещё и котёнок – вылитая мамаша, только хвостик тоненький и лапки не в носочках, а в чулочках беленьких!

Вывеску Инге прибила надёжно и крепко, дверь смазала и покрасила, и теперь пила в кухне чай. Компанию ей составляли кошка с котенком, тётушка Ильссон и угольщик.

– Неужто прямо завтра и начнёшь? – вопрошала старушка. – Обжилась бы с недельку, со всеми бы познакомилась. Тут поблизости есть два богатых двора, зажиточных, а ещё выше по улице доходные дома, там уж никто хлеба не печёт. Да и у нас уже не то, что встарь! Теперь не каждая хозяйка хлебы ставит, иные работают с утра до ночи, другие просто ленятся. Да и я уж не всякий раз их ставлю, гоняю внука в Сюрфорт, ближе-то пекарни у нас не было по сей день. А руки-то, да и ноги, и спина уж не те! Вот и покупаем. Спасибо боженьке, денег хватает.

– А чем живёте, тётушка Тьюли? – спросила Инге осторожно.

– А кроликами да шерстью кроличьей, – охотно ответила тётушка, – держу пушистых, вычесываю, пряду, а потом вяжу носки, шапки да варежки. Самый товар сейчас, вот-вот снег ляжет, морозы придут! Мать Нильса мне помогает, и тётки его тоже, да и сам он помощник хоть куда. Вы не смотрите, что он у нас дурачок, руки у него работающие, всё сделает.

– Да и не дурачок он, – сказал весёлый угольщик, которого, как уже узнала Инге, звали Лассе.

Отмывшись, он стал не таким чумазым. Только в уголках глаз да в мелких морщинках, да под ногтями оставалась ещё угольная пыль. А так был он парень хоть куда: темные волосы торчком, рот до ушей, глаза озорные, зубы белые.

– Не дурачок он, а мечтатель, – продолжил Лассе. – Если б учился в школе, то уже бы и закончил, в Академию бы поступил. А там и стал бы настоящим изобретателем. Может, и в небо бы полетел.

– Ага, где ж нам денег-то столько взять, чтобы Академии за нашего Нильса платить, – вздохнула тётушка Тьюли. – К тому ж его и в школу-то не взяли! Привела его Малин, племянница моя, а там его спрашивают: что знаешь? А он говорит: знаю, что старуха Беа ведьма, и что Ледяной Король нынче в зеркало смотрел на неё, и она молодая становилась. И ещё говорит, знаю, что старый тролль на горе проснулся, снова будет пытаться часы на ратуше остановить. И вот так-то давай сказки плести! Ну так его спрашивают: ты хоть буквы-цифры знаешь? А он до трёх на своих пальцах сосчитать не может, только знай сказки про пальцы сочиняет.

– А ещё, – добавил угольщик Лассе, – он вам, тётушка, механическую чесалку сделал и самокрутящееся веретено.

– Ведьминские штучки, колдовские, боюсь я ими пользоваться, – махнула рукой тётушка. – Вон пусть идёт в услужение к фру пекарь, а я себе дочку Перниллину пристрою шерсть чесать да прясть. Пернилла – это моя старшая, – пояснила она для Инге. – Не пытайся всех запомнить, само потом в памяти отложится. Нас тут в Грюнфорте всё-таки несколько сотен, небось за один раз не выучишь!

– Пойдём-ка, тётушка Тьюли, пусть фру пекарь отдохнёт, – сказал вдруг Лассе. – Гляди, у неё уж глаза слипаются.

Инге поняла, что и правда вот-вот уснёт. За последние несколько дней она не высыпалась, то одно, то другое – поиск подходящей недорогой лавочки, оформление документов, переезд, обустройство на новом месте... До сна ли тут? Да и плохо ей в последнее время спалось, чуть закроешь глаза, и начинают одолевать разные думы, по большей части невесёлые!

– Так во сколько завтра внука-то сюда пригнать? – встрепенулась тётушка Тьюли. – Спо-заранку или спать до полудня будешь?

Инге прикинула, сможет ли завтра начать прямо с утра, и смело сказала:

– Спозаранку присылайте, тётушка! До рассвета.

А сама решила, что приготовит Нильсу ту комнатку, что над сараем, чтобы не приходилось ему тратить время на путь до пекарни. Да и ей спокойней будет, что не одна тут с кошками да мышками.

– Так до утра, – сказала на прощание тётушка Тьюли. – Ночи тебе спокойной, снов хороших.

А весёлый угольщик Лассе в третий раз пожал руку Инге и, подмигнув, сказал:

– На новом месте приснишь жених невесте.

Снились Инге, однако, вовсе никакие не женихи, а большие ледяные часы на высокой горе. Тяжело ворочались огромные стрелки, и при каждом их движении с часов падал сугроб. Лёгкий, как перинка. Падал и разлетался белыми хлопьями. А на чистом снегу кто-то чёрные следы оставил. Уж не угольщик ли?

ГЛАВА 2. Зубастенькая

Осенью, да ещё поздней, солнце встаёт неохотно, выползает из густого овсяного киселя низко стелющихся облаков, и смотрит одним глазом: а стоит ли вообще подниматься выше?

Примерно так же смотрел на печку потомок большого рода Ильссонов, Нильс-младший Ильссон, рыжий вихрастый подросток, высокий, с крупными руками и ногами и с пытливым взглядом бледно-голубых глаз. Красивая фру Ольсен разрешила ему работать, но мальчик сомневался, что ему этого так уж хочется. Одно дело помогать в охотку, и совсем другое – изо дня в день делать одно и то же. Покормить Пончика, натаскать воды из колодца, принести в кухню из кладовки муку, помочь Инге тесто замешивать...

Тут же мысли Нильса перекинулись на важное. А что, если сделать такой механизм: крутишь одну ручку, а в трёх бадьях враз тесто замешивается? Нет, в трёх сразу может и не получиться. Как говорит дядюшка Хендрисен? Сначала задача поменьше, потом побольше. Пусть

одна мешалка. Можно выточить колёсики, как в ручной мельнице, а вместо молотки вставить деревянные весёлки, какими и размешивают жидкое тесто.

А если тесто густое? Которое руками месят? Тогда как же? Нильс призадумался ещё глубже, но ничего изобрести не успел, потому что красивая фру Ольсен окликнула:

– Ну что, помощничек, не проснулся ещё, поди?

И оказалось, что она уже и Пончика покормила, и кошке с котёнком сметаны дала, вчера соседи принесли, и на стол оладушки выставила. А тесто она ещё накануне, перед сном, поставила, вот как. Так что будут нынче булочки с изюмом, пирожки с ливером и ржаные лепешки.

– Пока небогато, но у нас и прилавков толковых ещё нет. Вот не мог бы ты сказать, кто сумел бы нам сколотить парочку? А ещё подумай-ка вот над чем: видела я в аптеке полку такую, которая крутится, и люди могут её туда-сюда вертеть. Все товары на виду, крутишь и выбираешь. Вот как бы нам такую сделать? Только в аптеке она из стекла, а нам бы подошла деревянная, чтобы с неё булочки да пирожные не соскакивали.

Мешалка тут же оказалась на втором месте после вертящейся полочки. Нильс доложил Инге, что столяр в Грюнфорте один, зато работает быстро да исправно, а сегодня можно просто выставить два стола, да на них продавать.

Так и сделали.

Лавочка пока выглядела убого.

Но вчерашние помощники полы уже помыли, занавески на два окна повесили, а уж когда свежим хлебом запахло, то сюда потянулись все носы с округи. Ржаные лепёшки, да оладушки, да пшеничные булочки с изюмом – всё пахло так, что и тролли в горах, небось, повернули свои огромные уродливые головы в сторону Даттё.

Так что Нильс взял на себя труд встать у стола в ожидании покупателей. Инге проверила, чисты ли его руки, а заодно нос и уши. Как будто чистые уши делают человека счастливее! Или как будто он ушами станет хлеб продавать!

– Вы не беспокойтесь, фру Инге, я со вчера мытый, – заверил её Нильс.

– Придётся верить, – улыбнулась она. – Что ж, давай подождём первых покупателей. Говорят, как первая покупка пройдёт – такой потом и весь день будет!

– А ещё говорят, надо монетку по полу прокатить от порога до прилавка, – оживился Нильс. – И дорожку сахаром или мукой сделать...

– Монетку давай прокатим, а вот насчёт сахара не знаю, – ответила красивая фру Ольсен, – не люблю я едой разбрасываться, с детства не приучена. Баловство одно!

– Вот и бабушка так говорит, – вздохнул Нильс. – А я из-за этого не могу проверить примету!

– А ты что же, в приметы веришь? Твоя бабушка про тебя рассказывала так, будто бы ты и в сказки веришь, и в легенды!

– Так ведь это и впрямь есть, – Нильс уж было решил, что фру Инге, как и все, над ним посмеется, но она потрепала ему вихрастую голову и ушла за ещё одной корзинкой хлеба.

Он проводил её взглядом. У Инге фигура была как у молодой девушки, разве что в бёдрах пошире, и вся она вызывала в Нильсе приятное волнение. Волосы русые, под тёмный чепец убранные, только на лбу несколько волнистых прядок, и глаза серые, ничуть не печальные, как можно было бы подумать, зная, что Инге Ольсен вдова.

Нет, она не была унылой серой тенью – улыбчивая, деловитая, бойкая. И Нильс подумал, что надо бы выспросить, что за муж у фру Инге был.

Может, он был волшебник. Или, к примеру, альв. У такой женщины не мог быть простой муж-бюргер с толстым брюхом, или мастеровой, или рабочий с грубыми руками и добрым сердцем. Нет, скорее волшебник.

Тут в лавку вошёл первый посетитель. Сердце у Нильса Ильссона так и подпрыгнуло: вот она, примета! Вон какой человек важный зашёл – сам главный Сёренсен, из дома с красной

черепичной крышей! У Сёренсенов большая семья: четыре деда, да десять отцов, да четырнадцать сыновей. А уж дочерей, внуков да внучек без счёта! Богаты Сёренсены, и дом у них огромный, почти как замки древних альвов, большой да просторный. Ходят Сёренсены в сапогах, а не в башмаках. Это если ходят, потому что чаще ездят верхом или в коляске, запряжённой двумя лошадьми. По обычаю Денмаре, если в доме места не хватало, к нему пристраивали что-нибудь с боков или сверху, так вот – большой дом семейства Сёренсенов за последние тридцать лет был облеплен пристроями со всех сторон так, что уже и не ясно было, где там первоначальная часть.

Вот так посетитель! Один из четырёх дедов, самый старый. Борода почти до пояса, штаны красные плисовые до колен, сапоги узорные. Поверх белой рубахи – белый бараний тулупчик нараспашку. Рано ещё в тулупы да шубы рядиться, но богачам всё можно.

– Доброго вам дня, герр Сёренсен, – сказал Нильс, поклонившись.

– Что тут у вас? Открыты, что ли, уже? – спросил богатый старик.

– Открыты, – ответил Нильс. – Булочки вот с изюмом, да лепёшки ржаные, да оладушки...

Старик Сёренсен взял из корзинки булочку, помял толстыми пальцами. Понюхал, поморщился. Но мелкую монетку в подставленную плошку бросил.левой рукой бороду придержал, чтоб не мешалась, а правой булочку в рот сунул. Пожевал, нахмурился.

– Вкусно, – сказал. – Вели-ка хозяйке к вечеру для Сёренсенов дюжину пирогов испечь.

– С чем же? – спросила с порога пекарни фру Инге. – Пока у меня только яблоки да свинина.

– С творогом и изюмом испеки, творог у старой фрекен Педерсен возьмишь, – загнул указательный палец старик, – с яблоками и взбитыми сливками, с мясом и луком. По четыре больших пирога каждого вида. Справишься, что ли?

– Уж и не знаю как, – насмешливо округлила серые глаза фру Инге. – Итого с вас будет по кроне за каждый пирог, герр Сёренсен. К шести вечера приходите. И задаток пожалуйста, на творог, сливки да корицу. Живи я тут подольше, не попросила бы, но я только первый день открыта.

Нильс втянул голову в плечи.

Храбрая фру Ольсен! Разве кто-либо смеет разговаривать так с самым главным Сёренсеном?

Но старик ничего, улыбнулся в бороду и взял из корзинки, которую всё ещё держала в руках Инге, румяную ржаную лепёшку, а взамен положил на стол четыре кроны.

– Только сливки хорошие возьми, зубастенькая.

– Как это вы его не испугались? – удивлённо хлопнул ресницами Нильс, едва самый главный Сёренсен вышел.

– И не таких видали, – ответила фру Инге. – Ну что ж, если уж гадать по первому покупателю, работы будет просто неупорот, Нильс, но и денег тоже! Поэтому вот тебе деньги, беги к фру Педерсен, а потом в бакалейную лавку. Полтора фунта творога, галлон молока, две кварты сливок, два фунта сахара, четверть фунта изюма, два пакетика молотой корицы. Да загляни в зеленую, возьми там лука. У кого тут яйца можно купить, знаешь? Для начала потребуется две дюжины. Беги-беги, мне скоро понадобится и другая твоя помощь. Встанешь у прилавка, пока я буду печь пироги. Где-то были у меня ваниль и кардамон...

Кажется, Нильс-младший Ильссон из большого семейства Ильссонов ошибся – эта работа скучной не будет. Запряг Пончика в одноколку и поехал к фру Педерсен, а потом по лавкам: такую уйму покупок в руках не утащить.

На обратном пути он свернул к бабушке и спросил, где та держит взбивалку для крема, которой так никогда и не пользовалась, а ведь он для неё делал! Хорошо, что не выкинула.

ГЛАВА 3. Делу время, потехе час

Дюжина больших пирогов! Ну, теперь эта дюжина будет сниться Инге целый месяц! Она так утопталась по кухне, что под конец уселась на стул с двумя подушками и принялась катать тесто сидя. Нильс крутился как волчок, но успевал и в лавке, и в пекарне – удивительно, как добрая тётушка Тьюли решила расстаться с мальчишкой. Помощник оказался таким ценным, что сама Инге ни за что бы его теперь не отпустила! Он даже два раза спас булочки с изюмом от пригорания.

А в лавке нынче в честь открытия былолюдно – кажется, все соседи заглянули, чтобы поддержать начинание новенькой. Ржанных лепёшек продано пятьдесят две штуки, булочек – одиннадцать противней, оладьи и пирожки разошлись в первый же час, и больше уж Инге с ними не возилась. Спрашивали вафли, слойки, денмарский пирог, яблочные пироги со взбитыми сливками, ванильные кренделя, миндальные пирожные и простой хлеб. Нильс всё записывал, но Инге сомневалась, что в ближайшее время сумеет столько всего запечь.

Когда пироги герра Сёренсена на больших фанерных листах были погружены в телегу и отбыли к большому дому, Инге сняла башмаки, чулки, вдовый чепец и села на пороге дома. Тихо застонала, выставив гудящие ноги на прохладную ступеньку крыльца. И как по волшебству, их темноты вышел чумазый Лассе, сел рядом и спросил:

– Не застудишься, фру пекарь?

И, не дожидаясь ответа, снял пропахшую дымом куртку, накрыл ею голые ступни.

– Устала?

– Есть немного, – ответила Инге. – Но если сравнивать с тем, как жила раньше, то всё равно хорошо. Тихо здесь.

– Тихо?! – изумился угольщик. – Да у тебя тут целый день толчея была.

– Тихо, – повторила Инге. – В доме свекрови всегда было шумно – ругань, крики, хохот, плач. Как Улаф мой умер, так ни дня покоя не знала.

– А давно он...

– Давненько, – ответила Инге. – Больше года прошло. Еле отвязалась я от своей прежней жизни – всё не пускала она меня.

И, спохватившись, что жалуется человеку, которого не знает вовсе, да ещё мужчине, отодвинулась и поджала губы. Да и не стоит начинать обживать на новом месте с шашней. Пусть даже и с Лассе, парнем приятным да симпатичным! Нет, не стоит, хоть и тянет её к нему. Нравится ей, как он зубоскалит да смеётся, но всё это ничего не значит. Попадёшь в ловушку – потом уж не выберешься. Инге это уже выучила на примере Ульфа и его семьи, больше уж не хотела связываться.

– Хорошо, что отпустила, – сказал парень и кивнул. – Здесь жизнь для тебя непривычная, но по всему видать, что тебе тут лучше.

– Ты меня, что ли, жалеешь, герр угольщик? – спросила Инге, чуть помолчав.

– Я тобой восхищаюсь, фру пекарь, – засмеялся Лассе. – Гулять со мной пойдёшь?

– Гулять?! Я с ног валюсь, – Инге вдруг тоже засмеялась, хотя и собиралась держаться с ним холодно.

– А я подожду, пока отдохнёшь, – ответил Лассе.

Но она отказалась.

– Ваши здешние красотки небось по тебе сохнут, вот и иди к ним. К чему тебе чужая, да ещё вдова?

Он пожал плечами.

– Это уж не тебе решать, к чему, – сказал он, – да и не замуж зову, фру пекарь, а пройтись по Грюнфорту. Сейчас фонарищик фонари зажжёт, красиво будет.

И придвинулся ближе, взял за руку.

– Пойдешь? – в самое ухо шепнул, едва касаясь мочки губами.

И уху, и шее сделалось горячо и приятно. Давненько она не ощущала ничего подобного!

– Шлёп твою плешь, герр угольщик, – проворчала Инге, смущённая этими заигрываниями. – Не пойду! Уходи от греха подальше, не готова я в свою жизнь пускать всяких чумазных...

Лассе встал с крыльца, принял из рук женщины свою куртку.

– Всяких чумазных? – спросил, будто бы ничуть не обидевшись. – Ну так я умоюсь. А ты не сиди тут босая, фру пекарь. И смотри, метлу от порога убери: осень уже к зиме поворачивает, неровен час ведьма на ней покатается, потом всю удачу из дома выметешь.

Вот глазастый, и метлу заприметил. А и правда, убрать надо на ночь.

– Завтра уголь привезу, фру пекарь. Чумазый буду как чёрт, ты уж не обессудь! Но гулять снова позову, непременно. Знаешь ведь: делу время, а потехе час. Найди себе такой час, фру пекарь, глядишь, и работа потом не такой тяжелой покажется.

– Да не тяжёлая она, – ответила Инге. – Хорошая, добрая работа.

– И от доброй работы устаёшь порой так, что глаза бы её не видели. Потому и отдыхать надо. Правильно отдыхать, а не падать от неё замертво. Поняла меня, фру пекарь?

– Иди уж, мудрец, – сказала Инге. – Погоди вот, привыкну ко всем, может, и пойду погулять. А с тобой или нет – время покажет.

Едва Лассе ушёл, как по ногам стало сквозить. И то: заканчивался октябрь, ноябрь подступал к Даттё и его окрестностям. Вот уже и листья все с деревьев осыпались, и снег иногда вечерами начинал падать, правда, ещё неуверенно, словно раздумывал: а нужен ли он здесь, такой холодный гость? И хоть нынче день выдался не такой уж холодный, а сидеть разгорячённой после пекарни на сквозняке не стоило. Инге поднялась и, тяжело ступая, вернулась в дом. Дверь заперла, занавески задёрнула, хоть и знала: не любят в пригороде да и повсюду в Денмаре, когда окна закрыты. Считают, что совесть нечиста, если ты в свой дом с улицы заглянуть не даёшь.

Да только Инге уже так давно не хватало уединения, что решила она пока что этот обычай без внимания оставить. Посидела ещё немного с чашкой чая и булочкой, а потом поднялась по лестнице в мансарду. Справа была выделенная для Нильса комнатка, что над сараем, а слева, прямо над пекарней – её спальня, собственная. И ни с кем она её делить не собиралась, вот что! Ей и одной хорошо. Не для того настояла на своей доле наследства от Ульфа Ольсена, не для того уехала от родни подальше, чтобы снова в тот же хомут шею совать.

Легла, а кровать большая, пустая, холодная. Бельё, ничем не согретое, так и липнет к телу, словно снежный покров.

И снова снег снился Инге, а на снегу чёрные следы. И большие часы на горе. И страшный смех – подумалось отчего-то, что так смеётся тролль.

И ещё приснилось, что Ледяной Король смотрит с горы, смотрит и думает: а не зайти ли к вдове Ольсен за хлебом, не остудить ли её горячее сердце? Подумалось: когда-то ведь и сердце Ульфа остыло. Не стало меж ними тепла, остался лишь трескучий мороз.

Утром у неё болели все мышцы и что-то противно поскрипывало в спине, но Инге и не думала валяться в кровати. Она проверила поставленную с вечера квашню, поставила в печь первую партию пшеничного хлеба и наскоро замесила тесто для хрустящих вафель. Вафельница у неё была всего одна, но зато на две вафли сразу. Инге вручила её Нильсу, и он заступил на своё почётное место у горячей плиты. А сама хозяйка, наскоро перекусив корочкой вчерашней лепёшки, сдобренной доброй порцией сливочного масла, отправилась прибираться в лавке.

Ох и натоптали же тут накануне! Сколько же народу тут прошлось... Да ещё, как вспомнила фру пекарь, как назло, было грязно: прошёл дождь, дороги развезло, а перед домом никто ведь не удосужился соорудить настил. Надо будет хотя бы несколько досок прикупить у столяра, чтоб люди могли пройти сюда, не пачкая башмаков и не принося грязь в лавку. По большей части она теперь уже высохла, и по полу там и сям валялись коричневато-серые комья.

Жалея, что не помыла здесь ещё вчера, Инге с усердием взялась за щётку, а потом за тряпку. И уже почти домыла, когда в спине, и без того уставшей, что-то звонко хрустнуло.

– Ай, – сказала Инге с выражением крайнего отчаяния.

И именно в этот момент кто-то дёрнул за шнурок с той стороны. Брякнул колокольчик.

– Открыто, – жалобно проговорила Инге, и в дверь всунулась дочиста отмытая физиономия Лассе.

– Уголь привёз, – сказал он, сверкая розовыми, гладко выбритыми щеками.

Запахло душистым мылом, которым в этих краях пользовались только по большим праздникам. В будние дни достаточно было и обычного, пахнущего резко и не слишком приятно.

И гадать было незачем, для кого такие усилия и траты, но Инге было не до сверкающего Лассе.

– Ох, – выразительно сказала она, не в силах даже разогнуться и опираясь на щётку, словно столетняя старушка на клюку.

– Фру Ольсен, – крикнул из пекарни Нильс. – Тесто для вафель кончается, будете творить ещё? И хлеба поспели, вытаскивайте, я один на всё не разорвусь!

– Оооох, – вырвалось у Инге.

– Герр угольщик всё понял, – сказал Лассе. – Сейчас пойду спасать хлеб, а потом уж возьмусь за тебя, фру пекарь. Извини, придётся снова за тебя похвататься. Немытыми руками!

Инге была уже на всё согласна.

ГЛАВА 4. Глаза боятся, а руки делают

Ох, стыд-то какой, подумала Инге пять минут спустя. Даже не просто стыд, а настоящая стыдобища!

Подумала, потому что стояла, опираясь руками на стол, а мужские руки гладили её спину и вдоль, и поперёк, особенно поясницу. Гладили, иногда нажимая на самые больные места, и тогда спину обдавало приятным жаром.

А потом вдруг Лассе тяжело задышал сзади и, пошатнувшись, навалился на неё всем телом.

Инге в гневе оттолкнула его и выпрямилась, даже забыв подивиться, что поясницу больше не ломит.

– Это уже...

– Прости, фру пекарь, – сказал угольщик и отстранился. – Не рассчитал силу. Я ведь не Магнус.

Она не поняла этих слов. Магнус? К чему это? Но как только Лассе отодвинулся, так прервался тёплый исцеляющий поток, и между ними снова потёк привычный холодок. «В жизни больше его к себе не подпущу, стыд-то какой! А ну как соседи увидят?» – подумала Инге, но тут Лассе вдруг снова прижался сзади, и его правая рука легла на женщине живот, да так низко, что она вся задрожала. Всего на ладонь ниже уже совсем неприлично будет, да и этого достаточно, чтобы...

– Руки убери, – гневно сказала вдова.

– Ты не подумай дурного, фру пекарь, а только мой огонь такой – его прямо к больному приложить надо, – сказал угольщик виновато. – Ты уж потерпи, сейчас уже отпущу тебя.

– Ну так прикладывай к больной спине, – возмутилась Инге, едва дыша от неловкости. – А то съёшься, куда не просят!

– Знахарю виднее, где больное место, фру пекарь, – заметил Лассе. – А я всё ж кое-что умею да знаю, так-то, фру пекарь! Ты уж потерпи, тогда всё пройдёт.

И, наконец, убрал ладони с живота. А вместе с ними ушла и вся боль, вот прямо до капельки – а то ведь, стыдно признаться, но и живот Инге беспокоил, особенно как пере-

трудится или тяжёлого перетаскает. А теперь всё как новенькое было! Даже руки-ноги стали меньше болеть, и плечи ныть перестали, и ступни, вчера натруженные.

– Меня, кроме мужа, никто так и не трогал никогда, – проворчала Инге, не зная, как его так отблагодарить, чтобы не подумал, что теперь можно её при каждом случае хватать. Мужчины, они ведь такие: вот Ульф когда её сватал – едва дала себя поцеловать, тут же под юбку полез, насилу отбилась. – Да и ты не думай, что раз потрогал, то всё тебе можно...

– Угу, – невнятно ответил Лассе и вытер со лба пот. – Не думаю, фру пекарь.

Только тут Инге посмотрела на него внимательней. Как-то поубавилось у него блеска и румянца, побледнел, даже будто бы осунулся, и глаза словно пеплом подёрнулись. Так, может, он не прижался в первый-то раз, а пошатнулся и еле на ногах удержался?

– Эй, ты чего это? – удивилась и даже чуточку испугалась Инге. – Или тебя самого прихватило, господин знахарь?

– Угольщик я, угольщик. Когда уголь жгу – много тепла от огня вбираю, вот и отдаю его потом, – отшутился Лассе, да только как-то очень уж вяло.

– Давай-ка я тебе в благодарность молока налью да хлеба свежего дам, – сказала Инге, – спина-то как новенькая стала! Тебе бы целителем быть, а не угольщиком, особенно если придумаешь, как не хвататься за те места, которые порядочная женщина никому не показывает.

– Моё дело уголь жечь да продавать, – улыбнулся Лассе, как привязанный, следуя за хозяйкой в пекарню. – Вот ты почём нынче уголь купишь, хозяйка?

Едва Лассе разгрузил две больших корзины угля в кладовую и ушёл через дверь со стороны пекарни, как в лавку явилась первая покупательница. Востроносенькая, хорошенькая, в ярко-зелёной юбке с плиссировкой, зелёной в полоску кофте и тёплой душегрейке, подбитой беличьим мехом. Из-под плиссированного, в оборках, бело-зелёного чепца выбивались рыжие прядки. Корзинку девица украсила зелёными и красными лентами. Хороша-то хороша, да только на лице у девушки не хватало выражения приязни и доброты.

– Доброго вам дня, фру пекарь, – снисходительно сказала красавица, – вы вчера вафель обещали, так есть они теперь или как?

Вафель Инге не обещала и, если бы не Нильс, ещё и не начала бы их печь. И, кстати, она ведь хотела сделать вторую порцию сладкого теста на них!

Девушка получила дюжину хрустящих, свёрнутых трубочкой вафель – Инге мысленно сделала для себя заметку, что надо бы заказать в Даттё коробки для сладостей, чтобы не мялись и не ломались они в корзинах хозяек. Девица расплатилась по двадцать пять эре за каждую вафлю и заметила:

– Дороговато берёте, фру пекарь. Или нуждаетесь так сильно?

– Дешевле только бесплатно, – пожала плечами Инге. – За десять эре могу сладких сухариков предложить, десяток на монетку.

– Ну-ну, – сказала девушка. – А себя почём предлагаете, что угольщик от вас не вылезает?

Краска так и бросилась молодой вдове в лицо. Не иначе, востроносенькая подглядела за их почти непристойной сценой, когда Лассе держал Инге так, как не всякий муж будет жену держать, да ещё сзади прижимался! Пойдёт теперь об Инге дурная слава на весь пригород!

Захотелось ответить этой вздорной девице что-нибудь обидное. Спросить, кто она угольщику – уж не запасная ли совесть? Или, к примеру, заметить, что некоторых и бесплатно никто не возьмёт, с таким-то характером. Но удобный момент, чем дольше соображала Инге, тем дальше уходил, и она так ничего и не сказала. Только аккуратно уложила вафли в украшенную ленточками корзинку да накрыла промасленной бумагой, чтоб не отсырели да не утратили хрусткость.

– Доброго вам дня, и ещё приходите, – нашла в себе силы выдать на прощание.

Девица только фыркнула, а от двери повернулась и сказала:

– Я дочь герра Брёнссона. Если хотите, чтоб у вас покупали – не заглядывайтесь на угольщика.

– Не мелковата ли по вам пташка, фрекен Брёнссон? – не выдержала Инге. – Вам только за принцев собираться замуж, ну или хотя бы за кого из сыновей губернатора, а угольщик чумазый вам на что?

– Вы ничего не знаете, – понимающе протянула девица. – Ничего, да? Ну так тем более, не лезьте к нему. Его заберу я, фру пекарь. Вы даже можете готовиться к тому, что в начале зимы придётся печь свадебный хлеб.

– Мне ещё и жениховский не заказывали, – буркнула Инге, глядя, как за фрекен Брёнссон закрывается дверь.

Был такой обычай: как родители будущих жениха и невесты сговорятся, так молодой человек невесте дарит небольшой каравай. Украшают его обычно лодочкой и маяком, как знаками женского и мужского естества, и фигурки эти вылепляют из сахара, а иногда и вырезают из дерева, чтоб хранились дольше.

В старину, говорят, жених сам этот хлеб выпекал, уж как получится, но потом стали это дело поручать пекарям или кондитерам. Пускай с таким важным делом возятся те, кто умеет! И каравай красивее да вкуснее будет, и жениху руки пачкать не придется. И права была Инге: если ты через месяц-другой замуж собираешься, то самое время жениховского хлеба от суженого ждать.

Только вдруг он уже дарил? Инге здесь всего третий день. И впрямь ничего ещё не знает.

И в сердце что-то захолонуло, как представила она весёлого, улыбчивого Лассе рядом с этой надушенной девицей, похожей на подушечку, обшитую рюшами да лентами. Пышная оболочка! А внутри пуха да пера недоложили: всё только напоказ, без смысла и пользы.

Как бы то ни было, а день явно начался не с того. Вчера Инге проснулась полная сил, и всё удавалось, и день пролетел хоть и в хлопотах, а удачно. Маленькая казна молодой вдовы изрядно пополнилась, а уж знакомство с Сёренсенами удалось на славу. Хотелось бы ещё знать, понравились ли большому семейству пироги. Настроение у Инге вчера было прекрасное, так что же произошло за ночь? Как так быстро всё испортилось-то?

Но долго размышлять было некогда. Пока народ ещё не толпился в лавке, следовало пойти в пекарню и поставить в печь партию булок, замесить песочное тесто на денмарский пирог и оставить его отдыхать под полотенцем, и сделать ещё множество дел. Успеет ли она, сможет ли? Работы был непочатый край! Но если ничего не делать, то ничего и не успеешь, рассудила фру пекарь. И принялась за дело.

Первым делом сменила Нильса, поставив его за столиком мечтать и изобретать мешалки, крутилки, взбивалки и прочие полезные вещи, а также ждать покупателей. А уж потом взялась за остальное.

Вдова Инге Ольсен подозревала, что сама немного волшебница. Ещё до замужества она всегда готовила быстро и вкусно, с малолетства научившись выпекать разнообразные пирожки и булочки. А какие пышные бисквиты ей удавались! Мечтою же Инге был торт. Свадебный торт, какой она видела всего однажды и даже не успела как следует рассмотреть. Она забежала в кондитерскую, удрав из школы, решила подсластить свою горькую жизнь парой пончиков в сахарной пудре, и увидела, как два помощника кондитера упаковывают в огромную бело-розовую коробку с прозрачной крышкой-куполом торт высотой чуть ли не со стол! В нём было пять ярусов и бесчисленное количество кремовых роз. Отдельно в маленькой коробочке помощница кондитера, милая полненькая девушка, держала сахарных человечков, изображающих жениха и невесту.

Инге тогда было двенадцать лет, и та роскошная кондитерская на углу была для неё сказочным дворцом. Король, наверное, и тот не жил так роскошно, как толстый кондитер герр Шпульк в этом дворце! Здесь высились целые горы сладостей и плескались океаны крема, и

воздушные башни из безе стояли среди полянок из розовых и зелёных марципанов. Там продавалось и то, что попроще. Прилавок с хлебом и булочками был в кондитерской самым скромным! Но и возле него всегда толпился народ. А как там пахло!

Именно во дворце герра Шпулька в Инге и зародилась искорка волшебства, которая сейчас помогала ей месить тесто и создавать пышные аппетитные буханочки и маленькие румяные пирожки с повидлом. Большой денмарский пирог уже стоял на столе, ожидая, пока Нильс разрежет его на аккуратные небольшие порции, которые можно будет продавать по пятьдесят эре. Аромат ванили и корицы смешивался с сытным, добротным запахом тёплого хлеба.

И виделись, виделись Инге маленькие золотые искорки магии в каждом движении и в каждом кусочке хлеба или пирога.

Пусть её маленький домик с мансардой не походил на огромную шикарную кондитерскую! Он и состоял-то всего лишь из пекарни, половину которой занимала огромная печь с чугунными блинами плиты, да из лавочки размером с небольшую комнатушку, так что наверху, в мансарде, помещалось всего лишь две комнатки, третья была надстроена над сараем. Но Инге в своих мечтах уже обустраивала и перестраивала здесь всё, и мысленно расширяла стены лавочки. Хозяйка представляла, где встанет прилавок, а где – стойка с вертящимися полочками, на которой она разложит красивые пирожные. И мысленно видела большой стеллаж с разнообразными караваем, кренделями и крендельками, буханками и батонами. И всё это будет создано ей, Инге Ольсен, сумевшей, наконец, обрести свободу.

А торт... в этом пригороде тоже наверняка кому-нибудь может понадобится огромный свадебный торт. В семье Сёренсенов, к примеру, много дочерей и внуков, да и другие семейства не обделены молодыми девицами и парнями. Не только жениховские и свадебные караваи будет печь Инге, настанет время и для большого торта!

Она поставила в печь полдюжины новых караваев и внезапно замерла.

Представилось ей, как до блеска отмытый угольщик Лассе в тёмно-зелёном полосатом сюртуке и бархатных зелёных штанах до колен, в белых чулках и башмаках с пряжками, сидит рядом с востроносой девицей в полосатой бело-зелёной кофте и огромном плиссированном чепце. Сидят они и целуются, а перед ними, ещё нетронутый, стоит прекрасный свадебный торт с розовыми цветами из крема...

Рассердилась Инге, ударила по столу кулаком. Рассердилась не на девицу и не на Лассе, а на себя: за мысли свои глупые. Решила не думать об этом, а мечтать только о самом простом, отложив торт на потом.

И день прошёл неплохо, хоть и покупали в основном хлеб, и вафли разошлись очень быстро, а пирога Нильс и Инге даже попробовать не успели. К вечеру остались у них нераспроданными булочки и несколько пирожков, первые завернули в полотенце да поставили в остывающую печь, а пирожками славно поужинали.

– К слову, – сказал Нильс, – вы бы поставили на ночь молока для домового гнома. И один пирожок ему испеките завтра, фру Ольсен, но только чтоб отдельно. Пусть видит, что вы о нём помните!

Инге и не думала помнить о гноме, но почему-то молоко и пирожок поставила. Повыше, чтобы кошка с котёнком не достали.

– Спасибо тебе, Нильс, – промолвила она. – Ты лучший на свете помощник. Без тебя я бы и половину дел сегодня не сделала.

– Послезавтра воскресенье, – сказал паренек, – в церкви увижу столяра, попросим у него крутящуюся полку сделать. Я уже и чертёж почти закончил.

Он сорвался с места так быстро, что Инге и ахнуть не успела. Глядь, а Нильс уже из комнаты своей вернулся, листок бумаги принёс.

А на ней карандашиком – действительно, чертёж. Не хуже учителя искусств из средней школы в Даттё нарисовал Нильс стойку с крутящимися полочками, а рядом начертил, как она устроена. Только Инге быстро запуталась во всех этих чёрточках да значках.

– Ничего, столяр человек толковый, враз поймёт, – заверил женщину помощник. – Главное, чтобы у него нашлись такие инструменты, чтобы полочки круглые выпилить. Небось не самое простое дело. Но, конечно, можно и квадратные, в крайнем случае, сделать, с закруглёнными углами.

– А мне кажется, что по краям бортики бы не помешали, – вставила Инге. – Только сумеет ли столяр всё это?

– Ну, глаза боятся, а руки делают, – пожал плечами Нильс.

ГЛАВА 5. Не пара

Ноябрь никогда не был любимым месяцем Инге: то дождь, то снег, то слякоть, то мороз – и притом по семь раз на дню! Нынче он стоял довольно тёплый – для ноября, разумеется! – и каждый день сердце ждало чего-то. То ли свежего ветра с моря, то ли заморозков и снегов. Беспокоили сны – жутковатые и непонятные, повторяющиеся, с белыми сугробами да чёрными следами. Зато радовали соседи! Кто приходил каждый день за свежим хлебом, кто навещал через два-три дня и предлагал помочь. В первое своё воскресенье в Грюнфорте молодая вдова действительно закатила пир на весь мир – они с Нильсом и тётушкой Тьюли поставили перед лавкой несколько столов, одолженных в соседних домах, и накрыли щедро да вкусно. Пирожки, оладьи с вареньем, мясной хлеб, зельц с горчицей, горячий сырный суп в горшочках, булочки и печенье – всё свежее, вкусное, жаль только, на холодном воздухе остывало быстро. Но никто не жаловался! Пир удался, а после него от покупателей у фру Ольсен отбоя не было.

Инге перезнакомилась со многими и даже выучила, кого из грюнфортцев как зовут. Хендрисены, Педерсены, Ильссоны и Грюны, Ульфсены, Ганссены, Вильссоны и прочие заглядывали кто заказать пирогов на семейный праздник, кто попить чайку, а кто спросить, как у Инге здоровье. Только Ларс Магнуссон – добродушный, весёлый и красивый угольщик Лассе – стал у неё в лавке редким гостем. Зато фрекен Брёнссон зачастила.

Однажды, в первую пятницу ноября, когда все кругом варили рождественский эль, она пришла и принялась ругаться за то, что на вчерашнем хлебе, купленном её младшей сестрой, оказался уголёк. Пристал к корке снизу, испачкал девушке руку.

– Видишь? – фрекен Брёнссон поднесла свои белые пальчики к самым глазам вдовы. – Грязь! Прямо под ноготь забилась, и не вычистишь.

– Вот как, – равнодушно ответила фру Ольсен, – а как же Лассе?

– А что – Лассе? – воинственно вздёрнула острый подбородочек фрекен Брёнссон. – Я тебе уже сказала, фру пекарь, дело решённое. Он мне обещал, что женится на мне, чтоб спасти от...

Тут она вдруг запнулась, прикрыла рот рукой, будто сказала лишнего, и отвернулась.

– Нет уж, постой, фрекен Брёнссон, – сказала Инге спокойно. – Постой, поговорим! Как ты с ним жить собралась, если из-за крошечного уголька и пятнышка на ногте два дня успокоиться не можешь? Пришла жаловаться, так давай до конца выкладывай. Ну? Он весь как уголёк, весь мажется, как ты его до себя допустишь?

– А не будет он больше угольщиком, моя семья тканями да нитками торгует, а не углем, – заявила девушка. – Так что и руки его больше не будут чёрными. А ты о нём и не вспоминай, фру пекарь, мы с детства вместе и всегда вместе будем, даже если он пока и не думает про это!

– Ты бы сначала у него спросила, – сказала Инге мрачно. – Ишь, решила за человека – с кем ему быть да кем ему быть, разве можно так?

– Он мне обещал, обещал! – тоном капризной девочки, требующей леденец, выкрикнула фрекен Брёнссон. – Мы с детства вместе!

– С детства? Не смеши меня, – сказала Инге. – Он же старше тебя лет на десять.

– Ну и что? Глупая фру пекарь! Зато ты его старше... тоже лет на десять! Старуха толстая! В зеркало себя видела? Щёки толстые, красные, одежда старая, волосы растрёпанные! А туда же, на моего жениха зарится!

Инге была не толще барышни и точно не старше угольщика! Судя по всему, они были сверстниками. Да и не зарилась она на Лассе: даже не думала о нем, как о женихе. Не считая того стыдного случая, он больше и не касался её, а только иногда приходил поболтать, да приносил уголь, да ещё, случалось, покупал свежего хлеба, хотя мог бы получить его и так. Инге хотелось с ним просто дружить, она уже и погулять с ним всё-таки согласилась бы, если б он не запропал куда-то. Видно, сидит в лесу у угольной ямы, товар свой на зиму запасает, пока снега нет.

Фрекен Брёнссон выскочила прочь, даже не потребовав назад пятьдесят эре за испорченный угольком хлеб. Хотя что там, разве хлеб можно испортить такой малостью? Инге даже нравилось, когда к корочке приставал уголь, от него по-особенному тепло и приятно пахло.

В дверях девушка столкнулась лицом к лицу с доброй тётушкой Тьюли, которая шла в гости выпить чаю. И не с пустыми руками! В одной руке она несла большую банку яблочного джема, а в другой – кувшинчик брусничной наливки.

– Что это вы сделали с Метте, что она скачет, будто бешеная коза? – удивлённо спросила тётушка Тьюли.

– Коза и есть, – высунулся из пекарни Нильс. – Взяла себе в голову, что Лассе-угольщик на ней женится, и донимает этим нашу фру Инге. Как будто ей есть дело до него и до фрекен Брёнссон!

– Вот как, – сказала бабушка добродушно, ставя на прилавок и банку, и кувшинчик. – А ведь когда ей было пять лет, а Ларсу Магнуссону четырнадцать, они и впрямь дружили. Помнится, её старший брат Ольгер, который года на два младше, чем Лассе, всё время должен был приглядывать за младшими, а вместо этого убегал лазить по старой усадьбе или воровать яблоки в саду у фру Ульфсен! А Лассе за его братиками и сестричками приглядывал! Вот тогда-то он и пообещал жениться на Метте.

– Очень мило, – сказала Инге, сердясь неизвестно на что. – Да только он, думаю, давно про это забыл, а она прямо-таки кричит на каждом углу, что заберёт его в свой дом, будто Лассе – бездомный кот, а не человек.

– Так-то он, конечно, человек, но ведь из рода Магнуссонов, а это считай уже само по себе чудно, – пожала плечами тётушка Тьюли. – Ну а пообещал, конечно, неспроста, а потому что девчушка с малолетства была вот на Нильса нашего похожа. Потом, конечно, выросла да посерьёзнее стала, в отличие от моего внучатого племянника...

– Чего это? – буркнул Нильс, которому сравнение с Метте Брёнссон пришлось не по душе. – Чем она может быть на меня похожа?!

– Да выдумками своими, – ответила старушка. – Вечно выдумывала: то про часы волшебные рассказывала, то что её тролль с высокой горы хочет забрать. В жёны, видишь ли. То, что её папаша-то стал самым богатым купцом не просто так, а потому что своё сердце продал.

– Это кому же? – ахнула Инге.

– Да опять же троллю, – махнула рукой тётушка Тьюли.

И пошла ставить чайник на плиту. Договорила уже из пекарни, через открытую дверь:

– Мол, повстречался её отцу разбойник. Ограбил и попытался убить. И вот, пока Леве Брёнссон раненый на земле лежал, шёл мимо тролль. Это я не выдумываю, это всё давным-давно Метте рассказывала, она такая болтушка была, страсть! Как её Лассе терпел, ума не приложу? И вот, значит, лежит Леве, помирает, а тролль тут как тут. Тот самый тролль, с высокой горы. «Жить, говорит, хочешь?» – «Хочу, – отвечает Брёнссон. – Очень хочу!» – «Будешь ты живой, да удачливый в торговле, да богатый, богаче Сёренсена! – говорит тролль. – Но за

это я у тебя заберу две вещи. Твоё сердце и то, о чём первом твоя жена скажет, когда домой вернёшься!» Испугался, говорила Метте, Леве Брёнссон, да и сказал: «Как же я без сердца?» – «А оно у тебя ранено, – сказал тролль, – всё равно надолго его не хватит. А я тебе часы в грудь вложу, будут тикать вместо сердца. Ну и уговор соблюдай, а не то часы остановлю!» Метте Брёнссон, конечно, не так складно рассказывала, но я точно излагаю, уж поверь! Плакала она тогда много и тролля боялась, что он придёт за нею.

– Так жена Леве что же, про дочь с ним заговорила? – спросила Инге, подходя к столу в пекарне с гостинцами Тьюли.

– Вот про это не ведаю. Знаю только, что никакой Метте тогда у них ещё не было. Может, сказала, что беременна, а может, просто девчонку этим сызмальства пугали, чтобы послушная была, а она и поверила. Только вот Лассе всегда за ней как за родной приглядывал. Дружили они. Не удивлюсь, ежели поженятся, – с этими словами старушка Тьюли потрогала чайник и, сочтя, что он уже достаточно горячий, принялась наливать чай по белым толстостенным кружкам.

Инге помолчала, а затем налила себе брусничной наливки в маленький стаканчик. Выпила залпом, не чувствуя вкуса, только и осталась после наливки горчинка на губах.

Сказки, конечно. А только такие сказки, после которых некоторые девицы себе что-то очень глупое в голову вбивают и пытаются другим то же самое внушить. Только не вязалось у Инге в голове, как они вместе будут: Метте Брёнссон и Ларс Магнуссон.

Не пара, совсем не пара.

ГЛАВА 6. Подслушанный разговор

Ларс Магнуссон, или просто Лассе, шёл по подмёрзшей после долгих дождей дороге, насвистывая весёлую мелодию. Берёзовый лес провожал его тихими голосами – шептались деревья, попискивали синицы, шуршала в заиндеветой хрупкой траве таинственная мелкая нечисть. Таща за собою нагруженную товаром тележку, Лассе был весел и беззаботен – ровно настолько, насколько человек бывает беспечен на безлюдной дороге от леса к пригороду.

Тележка поскрипывала в такт его свисту. Лассе хотелось до того, как ляжет снег, натаскать побольше угля от ямы в лесу до кладовой, что за домом старушки Ильссон. Удобно стоит её дом: почти посередине пригорода, который сам как маленький городок. И аккурат напротив новой пекарни.

Мысли Лассе тут же сбились на красивую вдову Ольсен. Русая прядь из-под чепца, серо-голубые глаза, чёткие брови, белая кожа... Да ещё – мягкий живот под его ладонью, напряжённая спина, которой он касался так осторожно недели две назад. И затаённая беда, живущая внутри. Никому не высказанная боль. Не всё вычерпал угольщик, вот только с того самого дня стала Инге от него подальше держаться, улыбаться ему перестала, только иногда смотрела исподлобья. Даже за уголь расплачивалась через Нильса, чтоб невзначай руками не соприкоснуться да лишний раз взглядом не встретиться. Словно обиделась за то, что Лассе её излечил, а ведь как он за её лечение расплатился, сама видела. Не поняла только, что именно увидела.

Задумавшись, Лассе прошёл перекрёсток с Вильбёргским трактом, и тут вдруг у тележки отвалилось колесо. Давно уж надо было как следует его приладить, да всё как-то руки не доходили, а теперь вот беги, догоняй. Покатилось колесо по дороге, а потом свернуло в лес, да там и пропало. Видно, лесные человечки решили поиграть, решил угольщик. Не слишком-то разумно углубляться в это время в лес, холодный, враждебный, время-то уж к зиме почти повернуло. Злые нынче в лесу духи, злые его обитатели. Но ведь и тележку без одного колеса до Грюнфорта не дотащишь, а там небось уже ждут угля!

Подхватил угольщик тележку, сдвинул её в придорожные кусты, чтобы никому не мешала. Что утащит кто его груз, Лассе и не думал. Пустая ведь дорога, мало кто сейчас по ней ходит да ездит! И пошёл искать укатившееся колесо, пока не заиграли его мелкие и озорные

лесные человечки, что, как рассказывают в народе, ростом едва человеку до колена. Носят лесные человечки зелёную и коричневую одежду, маленькие красные сапожки, а волосы и бороды у них ярко-рыжие, длинные. Не стоит злить этот народец! Лассе и не злил, потому никогда ни одного и не видал, хотя сизмальства в лесу гулял.

Колесо Лассе нашёл в ложбинке под рябиновым кустом. Листья с него уже все пооблетели, а гроздья ягод висели крупные, яркие. Сорвал угольщик пару ягодок, в рот кинул. Лёгкие морозы уже неделю стояли, так что сладкая оказалась рябина, только самую чуточку терпковатая. Нарвал в шапку, сколько влезло, и к дороге пошёл. И неожиданно-негаданно услышал голоса.

На всякий случай затаился, прижавшись к дереву. Мало ли что за люди там беседуют, на дороге-то? В лесу было тихо, ни веточка не шелохнётся, и голоса, хоть негромкие, а разнеслись далеко, слышались хорошо.

И то, что услышал угольщик Ларс Магнуссон, заставило его ещё крепче к берёзе прижаться.

– Смилуйся, уважаемый тролль! Не забирай у меня мою Метте, лучше что угодно бери, только не её! – слёзно взмолился один голос. – Сундук с гильденами, пять коров, десять лошадей – хочешь?

Вот так петрушка. Выходит, детский лепет Метте Брёнссон вовсе не такая уж выдумка? Вспомнилось ему, как она плакала и боялась, и как он, ещё тогда просто мальчишка, сказал, что защитит, а если надо будет, то и женится. Между тем первый голос продолжал жаловаться и просить. Лассе затаил дыхание. А тут и второй голос послышался:

– Или ты забыл, что выбирать не тебе? Может быть, хочешь расторгнуть наш договор?

Страшный голос, нечеловеческий. Неужто и правда настоящий тролль?

– Молю тебя, – упрашивал Брёнссон. – Откажусь от всего, от богатства и дома, только не забирай Метте. Всё отдам, только не красавицу мою!

– А я тебе говорил, старик, – проскрипел страшный голос, – что заберу твою дочь, если никто ее не сосватает к зиме.

– Но зима пока не началась, ещё ноябрь только наполовину прошёл, – взмолился старик. – Почему же ты сейчас явился?

– Через три дня снег ляжет. На моих часах уже зима, старый. Готовь подвенечный наряд моей невесте, готовь сани с добром.

Судя по звукам, Леве Брёнссон упал на колени и зарыдал.

– Ты зачем мне посулил то, чего дать не можешь, человек? Или думал, что как время придёт – я от невесты откажусь? – зарычал нечеловеческим голосом его собеседник. – Уговор был, что отдашь мне первое, о чём твоя жена заговорит с тобой, как вернёшься. Заговорила она о том, что ребенка ждет, а после родила девочку. Вот её и отдавай!

– Помилуй, не знал я тогда, что так выйдет, – завыл старик. – Что хочешь забирай! Хочешь, даже жизнь мою возьми, только не губи мою Метте!

– Как снег ляжет, жди меня. Свататься приду.

– А если она уже другому будет отдана? – спросил Брёнссон.

– Ну что ж, так тому и быть: раз уж есть жених, то пусть будет, – произнёс тролль. – Пусть будет... До тех пор, пока я ему голову не разнесу своей дубиной.

И захохотал так страшно, что с деревьев с криками сорвались напуганные сороки, полетели всему свету рассказывать, кто и чем их так напугал. Пока летят да кричат – наверняка забудут, а вот Лассе помнить будет.

Затрещали ветки под тяжёлыми ногами. Ушёл злой тролль, оставил старика в грязи валяться. Лассе не решился выйти к нему, чтобы утешить. Весь разговор вёлся в тайне, в глухом месте, на перекрёстке в лесу – стало быть, не захотел бы несчастный отец видеть никаких свидетелей.

Бедная Метте Брёнссон, которая когда-то была совсем маленькой девочкой. Брат брал её с собой гулять, и он, Лассе, играл с малышкой, а иногда таскал на спине.

Бедная красавица Метте, что на всех посиделках и прогулках из всех выделяла весёлого угольщика, старалась под руку взять, а иной раз и целовала в щеку. Если, понятное дело, щека была помыта и побрита.

Когда Лева наплакался да настонался и, наконец, ушёл, угольщик вышел из лесу, починил свою тележку, как сумел, и покатил в пригород. Сгрузил уголь в кладовку и на сегодня решил, что достаточно будет.

Зашёл к себе в лачугу – печь остыла, дом выстудился, еды нет никакой, пусто, холодно, тоскливо. Не дело так жить, тридцатый год тебе, Ларс Магнуссон, а всё один да один! Сирота да одиночка, сколько ж можно?

Коснулся он жестяного умывальника, вода в нем тут же согрелась.

– Может, жениться мне? – умываясь, спросил у отражения.

Отражение, чумазое и весёлое, подмигнуло и промолвило:

– На ком же тебе жениться? На той, на ком совесть велит? Или на той, что сердцу мила? – спросило, как водится у отражений всех волшебников на всём белом свете. – На Метте Брёнссон или на вдовушке Ольсен? Кого хочешь своей женой назвать?

Не ответил отражению угольщик, а намылил щёки и спросил:

– А скажи-ка ты мне лучше, Лассе из зеркала, какие ещё чудеса на свете есть, чтобы Метте от ужасной участи спасти?

– Думаешь, так уж она ужасна? – спросило Отражение с насмешкой.

– Думаю, это не простой тролль, это сам старый тролль с высокой горы решил к ней посвататься, – сказал Лассе, проводя бритвой по лицу.

– Ну что ж, значит так тому и быть, – ответило Отражение, которое вовсе не менялось по мере того, как Лассе умывался да брился. – Девушка она на выданье, красивая, статная, одета дорого, приданого за ней дают много. Завидная невеста, да не про тебя, чумазы! Так ведь Инге тебя назвала? Чумазым?

– Ты мне не крути, ты мне прямо скажи, Лассе из зеркала, – произнёс Лассе упрямо. – Кто может к ней посвататься безнаказанно? Кто сумеет спасти девушку? Если только я – то зов сердца, как ни больно, я заглушу. Лишь бы спасти девушку. Не виновата ведь она, что отец у неё такой глупый, что троллю дочь родную пообещал.

– Не виновата, – сказала Отражение. – Но только девушка уже сама за тебя решила, уже сегодня проситься в жёны прибежит. А ты слышал, что тролль сделает с женихом. Откажешь – трусом прослывёшь, согласишься – голову потеряешь.

Лассе вытер полотенцем лицо да руки. От зеркала отвернулся. Хорош он будет, если девушку прилюдно обидит. Она ведь на него надеется! Гордячка, а сама хочет проситься в жёны. Да и не трус он был, только вот жениться на Метте не хотел. Разве её выбрало его сердце?

– Послушай-ка, Лассе из зеркала, – снова повернулся Лассе к своему Отражению. – Этот ведь, в лесу, сказал, что через три дня придёт, как снег выпадет.

– Ну, – ответило Отражение.

– А если не выпадет?

– Нам с тобой, Лассе вне зеркала, такое не по силам. Один только Ледяной король сумеет задержать снегопад. Да и то, часы-то не у него, а у тролля на высокой горе. Надолго, стало быть, и король снег не задержит. Ещё дня на два, три. Только как ты его упросишь?

– Пока не знаю, – ответил угольщик. – Да ведь как говорят? Один заяц семерых лис проведёт. Придумаю! У Нильса спрошу, он в этом хорошо разбирается!

– Что тебе эта отсрочка даст? – спросило Отражение.

– Пока не знаю, но хоть время выиграем, – сказал угольщик.

И поспешил к пекарне – посмотреть, как там Инге. Не надо ли помочь, ободрить, обнять? Хотя, конечно, обнять она снова не позволит, ну так хотя бы поговорить да увидеть улыбку на её лице. И рябину прихватил, как принёс, в шапке, так и к фру пекарь потащил. Хорошая ягода рябина, можно с нею чай целебный заварить, а можно и наливку сладкую поставить.

А фру пекарь уже дом к зиме убрала по-особому: снаружи над входом прибила выточенный из дерева крендель, украсила его еловыми ветвями, колокольчики привесила. Колокольчик, что висел на двери в лавке, тоже никуда не делся, зазвенел, когда Лассе вошёл.

Внутри было тепло и пахло печеньем с корицей и пряниками с кардамоном. Столяр уже сделал высокий прилавок, на полках за ним красовались аппетитные буханки хлеба да корзинки с выпечкой. Сам столяр и помощник Инге Нильс возились в углу над чем-то очень важным, обсуждали, шуршали чертежами, стучали молотками. А Инге стояла у окна и складывала стопкой белые да красные полотенца, вышитые незамысловатым узором. Лассе не сразу понял, что изменилось в женщине, которая ему нравилась. Только когда повернулась к нему, сообщил: раньше она всё больше в чёрное одевалась, а теперь на ней была яркая одежда. Юбка зелёная, фартук в цветочек, что-то ещё, приятное глазу, да и чепец белый, накрахмаленный.

– Неделю меня тут не было, а ты уже без меня принарядилась, фру пекарь, – сказал ей Лассе. – Как поживаешь? Уж не замуж ли собралась?

– За кого же? – без улыбки спросила фру пекарь.

– За Ледяного короля? – поддразнил её Лассе.

Вздрогнула вдруг Инге, отвела жестом беду, словно он что-то дурное сказал. Даже побледнела слегка.

– Да что такое? – удивился Лассе.

– Снится он мне. И всем незамужним нынче снится, как тётушка Тьюли утверждает. Говорят, настала ему пора жениться.

– Ну, – подивился Лассе, – как я погляжу, нынче все пожениться хотят!

Посмотрела Инге хмуро, исподлобья, и вдруг спросила:

– И ты, герр угольщик? Слышала я, что кое-кто думает, что ты жениховский хлеб собираешься у меня заказать?

– Вот как? Без меня меня женить собрались? – пошутил угольщик, но Инге оставалась хмурой и сердитой. – Рассказывай, фру пекарь. Вижу, покупателей у тебя пока нет, да и Нильс твой, в случае чего, справится.

– Нечего мне тебе рассказывать, герр угольщик. Не стоит ко мне захаживать и руки распускать, если собрался жениться на дочке Брёнссона.

– Ах вон что, – усмехнулся Лассе. – И про дочку Брёнссона знаешь...

– Знаю, и давненько! – запальчиво сказала Инге, и её румяное лицо стало ещё краснее. – Вот с того дня, как ты за меня хватался! Заявилась она ко мне в лавку и всё рассказала: и что ты её жених, и что мне свадебный хлеб для вас печь в начале зимы!

– Ну что ж, стало быть, мне есть что тебе рассказать, а тебе послушать, – сказал угольщик.

– К дочке Брёнссона я и не думал свататься... Вернее, думал, да только...

Но только не успела вдова Ольсен его выслушать.

В лавку пожаловала Метте Брёнссон.

ГЛАВА 7. Советник Ледяного короля

Неделю не видела Инге Лассе-угольщика. И положила руку на сердце, скучала без его прибауток. Не хватало его участливых слов и ласковых взглядов. Да только стоило подумать о них, как другое вспоминалось. Девушка востроносая, которая на Лассе заявила свои права. Будто во всём Грюнфорте не хватало женихов получше!

Когда он пришёл, Инге с удивлением поняла: ёкнуло сердце, а потом заколотилось так, будто она опрометью бежала целую милю. Но приняла строгий вид, чтобы не подумал чего лишнего. Если уж он и впрямь без пяти минут чей-то жених, то вот пусть и не думает!

Разговоров она с ним не хотела, только ушёл бы поскорей. Увидела угольщика, и достаточно. Пусть уходит.

Но только вместо этого пожаловала к ней сама фрекен Брёнссон. Будто звали её!

Если в прошлый раз у девушки был заносчивый и высокомерный вид, то теперь пришла она тихая да печальная. Только и показала норов, что ноздри на Инге раздула, и это вместо приветствия-то.

– Доброго тебе дня, фрекен Метте, – первым начал герр угольщик. – Какая красивая ты сегодня! Платье новое, чепец чудесный, а шубка так просто загляденье!

Но рыжая востроносая девица не обрадовалась похвале, а обхватила плечи руками, будто замёрзла до полусмерти, и заплакала. Инге подумала, что хорошо бы ей сесть да тёплого молока выпить. А может, и печенья с корицей отведать, очень хорошо успокаивает. Но всё же сначала выслушать бы, отчего такая нарядная фрекен слёзы на чистый пол роняет.

– Что случилось? – спросила Инге неохотно. – Обидел кто?

«Или Лассе с жениховским хлебом не угодил?» – мысленно спросила, да и поругала сама себя, что такая злая. Но что с собой поделаться, если она и впрямь злилась на эту фрекен Брёнссон? Ишь, всё решила за человека. И правда «без меня меня женили» получается!

А фрекен Брёнссон подлила масла в огонь, схватила Лассе за руку и к своему лицу прижала.

– Женись на мне, Ларс Магнуссон! Помнишь, как мы раньше дружили с тобой? – залепетала она. – Помнишь, как ты со мной гулял, как я росла возле тебя, помнишь, сколько мы по округе под руку ходили, сколько ты мне леденцов купил?! Помнишь, ты жениться на мне обещал? Так женись на мне, Ларс Магнуссон, за мной отец четырнадцать сундуков добра даёт да старинных гильденов два десятка!

– Эээ, Метте, – сказал угольщик, – да на что я тебе? И гильденов твоих мне не надо, и сундуки твои в мою лачужку не влезут! И потом, знаю я, что ты сейчас выйдешь за кого угодно, так не найти ли тебе партию получше?

– Ты из Магнуссонов, – ответила упрямая девица. – Кого же получше искать?

– Но сам-то я не Магнус, – пожал плечами Лассе. – И жениховский хлеб я хотел другой женщине подарить. Хочешь, помогу тебе другого жениха найти, получше?

– У меня и времени на это нет, и людей жалко, – разревелась, как девчонка, фрекен Метте Брёнссон. – Троль ко мне через три дня посватается, старый троль с высокой горы! А если кто до него ко мне посватается, убьёт всех своей дубиной. Только на тебя вся надежда, Лассе! Только настоящего волшебника он не тронет!

Инге не удержалась и ахнула, прикрыв рот рукой. Ведь только пару дней назад рассказывала тётушка Тюли про тролля, да говорила, что это лишь выдумки и небылицы. Перекрестилась она и спросила:

– Да как же это?

– А вот так, – сердито посмотрела на неё фрекен Брёнссон, а потом снова к Лассе повернулась. – Ты волшебник, Лассе, ты из рода великого Магнуса. Так спаси меня, старыми богами прошу!

– Помочь не откажусь, – ответил ей Лассе, – но жениться не буду. Я слышал, как твой отец разговаривает с троллем в лесу, да и сама ты это только что подтвердила: троль обещал убить любого твоего жениха.

– Так ты тролля боишься? – зло усмехнулась Метте. – Не хочешь за меня умереть?

У Инге руки зачесались, так захотелось дать ей пощёчину. Ишь, какая! Вырядилась в лучшее, пришла человека звать якобы замуж, а на самом деле на верную смерть. А когда он отказался, ещё и ухмыляется.

– Смерти я не хочу, особенно глупой. Вот если бы я тебя защитить смог – другое дело, а получить камнем или дубиной по голове и погибнуть бессмысленно, зная, что тебя всё равно не спасти – это не по мне, – ответил угольщик. – Я на тебе жениться не буду, но помочь помогу. Вот какое моё слово. Для начала отсрочку тебе попытаюсь выторговать, пока мы тебе такого жениха не сыщем, которому и тролль нипочём. Выпрошу для тебя у самого Ледяного короля ещё хотя бы дня три. Идёт?

– Да что мне твои три дня, – снова заплакала Метте. – Разве что в воду ледяную прыгнуть или уйти отсюда далеко-далеко, в самые дальние края?!

Инге могла только охать да вздыхать. И впрямь, как мало она знала о здешней жизни да о людях в Грюнфорте! В Даттё она и думать не думала, что так близко от города и сказочный лес, и высокая гора, а всего-то в каких-то нескольких милях от главной площади города вон что творится! Только выгляни за порог, а там уже сказка поджидает! Только какая-то очень уж холодная, неудобная и страшная это сказка...

– Давайте-ка я всем чаю заварю, – предложила Инге устало. – Посидим, потолкуем обо всём по порядку. Хочешь чаю, фрекен Брёнссон?

Девушка, шмыгая, покивала. И тут же прислонилась головой к плечу угольщика, отчего у Инге поубавилось желания угощать Метте печеньем с корицей.

– Постоишь у прилавка, Нильс? – попросила Инге.

– Вот с Нильсом я бы тоже потолковал, – неожиданно сказал угольщик. – Если кто и знает, как Ледяного короля об отсрочке снегопада попросить, так это он.

Мальчишка удивлённо посмотрел на Лассе, но отрицать сказанного не стал, только кивнул.

– Всё равно пока никого нет, – решила Инге, – а как зайдёт, я колокольчик услышу.

– Да я, если что, пригляжу тут, хозяйюшка, – вызвался столяр, – всё равно никуда не уйду. Вы уж только помогите нашей фрекен. Отца её мы тут все терпеть не можем, но ради матушки да её сестриц и братьев попрошу. Хорошие они люди. Все, кроме Лева и старшего его сына Ольгера.

Инге пожала плечами. Ей Метте не казалась хорошей. Хотя, разумеется, столяр знал семью Брёнссонов получше, чем она.

– Да как ты можешь, герр столяр, – с упрёком сказала Метте. – Мой отец хороший человек. Он ведь тебе денег ссужал, помогал, когда с дома крышу сорвало!

– Не спорю, фрекен Брёнссон, и ссужал и помогал. А только скрытный он да недобрый. Не обессудь, фрекен Метте, тёмный человек Лева, тёмный.

Метте непременно высказала бы столяру много всякого, если бы Лассе не взял девушку за локоть и не повёл бы в пекарню. Следом пошли Инге и Нильс. Инге увидела, как нежно фрекен Метте прижалась бочком к угольщику, явно в расчёте на то, что она, фру пекарь, это заметит.

И укололо вдруг: девушка ведь моложе, сильно моложе. К тому же невинна, хоть и вздорна характером. Где уж ей, вдове, четвёртый десяток лет разменявшей, с такой тягаться? Инге угрюмо начала про себя перечислять собственные достоинства: сама со всем давно привыкла справляться, свой дом есть и дело своё. Опыт, самостоятельность, независимость.

Но всё это в сравнении с молодостью Метте и, главное, с её способностью нарожать для Лассе детишек отступало в сторону, откатывалось, как волны от скал. Да, сегодня он отказал этой капризной красавице, но если девушка будет настойчива, то угольщик запросто возьмёт и передумает. Вода камень точит!

Удручённая такими мыслями, Инге принялась хлопотать в пекарне, собирая на стол – не за большой, на котором тесто раскатывала и куда хлеба ставила, а за боковой, там уютнее. Эта часть пекарни у неё была вместо отдельной кухни. А по весне Инге хотелось бы во дворе летнюю кухню сделать, с маленькой печуркой, чтобы хоть иногда не в жаркой пекарне возиться, а на воздухе. Попросить плотника сколотить навес, настелить пол, а потом при помощи Нильса установить чугунную печку – красота! И стол можно рядом поставить, и стулья. Будет почти как у господ на веранде! Инге даже решила, что букеты будет на столе ставить, в кувшине или высоком стакане. Размышляя об этом и хлопоча у стола, она успокаивалась. Не нужен ей муж, не стоит снова совать голову в тот хомут, который давил на шею целых десять лет, из них год – даже без слабого утешения в виде Ульфа. Она отныне сама по себе, а мужчины пусть все будут сами по себе, и желательно подальше от Инге Ольсен!

Она даже не заметила, как и чай заварила да на стол поставила, и пирога сладкого нарежала, и сливок в молочнике подала. А заодно пропустила, о чём там рассуждают Нильс и Лассе. Очнулась только, когда Лассе поймал её за руку, почти насильно усадил рядом с собой и сказал:

– Ну так что, фру пекарь? Решено?

– А, – растерялась Инге.

Что-то уже решено, а она и не знает, прослушала.

– Да вы с ума сошли, – высказалась Инге в сердцах, когда ей пересказали всё, что обсудили. – Виданое ли дело, идти к самому Ледяному королю на поклон, да ещё в самом начале зимы! Если б летом...

– Да тебе просто не терпится от меня избавиться, – сказала Метте, – всем вам...

И губы у нее задрожали.

– Никому бы я не пожелала мужа такого, как тролль с высокой горы, – ответила Инге.

Но о том, что до сегодняшнего дня и вовсе троллей сказкой считала, не прибавила. Почему-то сразу ей поверилось в то, что и тролль есть, и король Ледяной тоже есть – может быть, из-за повторяющихся снов. Особенно тех, где король замуж звал, а дыхание такое холодное, руки как две льдинки, глаза белые, будто снег.

Холодно ему самому, и не понимает он, отчего рядом с ним красавицы мёрзнут.

Но тут стукнуло что-то в окна, в двери – сразу во все. Кажется, даже по потолку что-то простучало! Метте вскочила с места, в ужасе прижимая кулачки к груди. Неужели тролль раньше времени пожаловал?

Инге и сама напугалась, но виду не подала. В дом троллю без дозволения не войти, не зря же она веночек заговоренный над входом повесила, да и самому Ледяному королю тут не поздоровится.

А вот что Лассе девицу обнял, защищая и оберегая, ей не понравилось.

И снова тот же стук. Только на этот раз весь домик фру Ольсен содрогнулся. В печке огонь мигнул и будто бы стал не таким ярким и жарким.

А спустя несколько мгновений в пекарню заглянул столяр.

– Фру Ольсен, – окликнул он, – в двери стучит кто-то, да не заходит.

Инге встала с лавки и поняла, что ноги будто не слушаются, а руки дрожат. Однако она взяла корзинку с печеньем, которую хотела в лавку отнести, и пошла. А за ней и Лассе. Нильс и Метте остались в пекарне, похожие на двух маленьких напуганных детей. Столяр же предпочёл, забрав инструменты, уйти восвояси через выход из пекарни. Что ж, работу он закончил, задаток ещё на той неделе взял, а за остатком ещё небось вернется.

– Сидите тут, – повернулась к Метте и Нильсу Инге, но была уверена, что они не послушаются.

Хоть и испугались, а вскоре выглянут, чтобы увидеть, кто там пришёл.

Инге отворила дверь и охнула. Не тролль это был. Стоял на пороге вроде как человек, только кожа у него была такой белой, что будто светилась в пасмурный день ярче, чем сиял бы свежавывающий снег. Глаза у человека были как две брусничины – маленькие, рубиновые, а губы ярче рябины, которую Лассе оставил на подоконнике.

И одет чудно: в голубой кафтан, синие бархатные штаны до колен, белые чулки, крест-накрест перевязанные синими бархатными лентами. Шляпа голубая с белыми перьями, туфли белые с серебряными пряжками. А уж каменье и на пряжках, и на лентах, и на кафтане было видимо-невидимо, всё прозрачные, искрящиеся, словно льдинки на солнце.

Кто ж это, такой нарядный, пожаловал? Одет, как на картинках в старых книгах – лет, наверное, двести назад носили такие вот наряды.

Но покупатель, пусть и странный, есть покупатель. Инге посторонилась, пропуская его в лавку, и сказала:

– Доброго вам дня, герр! Желаете вафель, печенья, булочек или свежего хлеба?

– Мы – господин снежный советник Ледяного короля, маленькая фрекен, – сказал покупатель тоненьким и ломким голоском, совсем не подходящим такому представительному мужчине.

Будто колокольчики звенят, а не человек разговаривает! Вот ведь чудо!

А человек, вытирая лоб белоснежным платком, сказал:

– Сим свидетельствуем, что жарко тут у тебя, маленькая фрекен. Так что быстрее к делу, ведь время не ждёт. Король наш и господин повелел, чтобы мы дошли до пекарни, откуда пахнет хлебом, и сделали для него важный заказ.

– Ох, – только и вымолвила Инге, хватаясь за край прилавка, чтобы не упасть от удивления. – Простите, господин советник Ледяного короля, не привыкла я к таким гостям, дайте мне опомниться!

А Лассе и Нильс уже были тут как тут. Инге даже рассердилась: оставили там эту востроносую одну, а вдруг она тесто на плюшки испортит? Вдруг от её кислого вида молоко свернётся или творог скиснет?

– И я вам своё почтение засвидетельствую, – сказал вдруг Лассе. – А скажите, господин советник...

– Зовите нас герр Снессен, – представился советник и вновь вытер лицо платком. – Хенрик Снессен, если угодно. Извольте передать вашей хозяйке, герр угольщик, что мы к горячим просто так не заявляемся, и если уж есть надобность, то пусть опомнятся поскорее, ибо иначе мы, чего доброго, растаем.

Лассе выразительно посмотрел на Инге, а та уже пришла в себя и резковато, пожалуй, без должного почтения, произнесла:

– Ну так делайте ваш заказ, герр советник Снессен. А заодно, пожалуйста, и нашу просьбу королю передайте. Нам нужна... как бы это... встреча с ним.

– Аудиенция? Это исключено, – ответил советник. – Горячим в Вечно холодных Чертогах не место, если только их не поцелует кто-нибудь из наших. Извольте принять уже заказ, маленькая фрекен.

– Я большая фру, а не маленькая фрекен, – сказала Инге, злясь на высокомерный тон и чересчур витиеватые речи.

– Сим вы исключены из списка невест его величества Ледяного короля за дерзость к советнику, – промолвил советник Снессен и вновь прибег к помощи своего платка.

С него уже капало.

– И хвала Всевышнему, что исключена. Не собираюсь больше замуж! Так что вы желаете? – спросила Инге.

– Жениховский хлеб, – был ответ. – Самый белый, мягкий и роскошный, только чтобы как следует остыл. Завтра чтобы был готов, мы сами придем.

– Шлёп вашу плешь, герр советник! Завтра! – рассердилась Инге. – Да ведь это мне все дела бросать и за хлеб приниматься! Особенный он, ничего больше делать нельзя, когда жениховский или свадебный каравай готовишь!

Тогда на прилавок легли пять старинных монет. Инге чуть глаза не уронила: пять гульденов! Целое состояние! Хорошее было бы приданое, если б она, фру пекарь, замуж собиралась... Но Лассе отодвинул деньги от неё подальше.

– Другая у нас цена, – сказал он. – Передай его величеству нашу просьбу, герр советник, да немедленно. Не деньги нам нужны, а его помощь. Видишь вон ту красавицу, что из пекарни выглядывает?

Снессен тут же повернул голову в сторону двери в пекарню, а увидев Метте, заплаканную, растрёпанную, с волосами, что рыжими прядками торчали из-под чепца, пожал плечами.

– В списке невест её нет, – проскрипел недовольно. – Хотите, чтобы мы её туда внесли? Это ваша цена?

– Нет, герр советник. Сватается к девице тролль с высокой горы, и единственный способ уберечь её от злодея – это найти ей другого жениха, а времени у нас мало, – сказал угольщик.

– На такое-то сокровище трудненько будет найти подходящую партию, – сказал советник, и его губы изогнулись в слабом подобии улыбки.

На гордычку Метте эти слова подействовали как окрик на злую собаку. Она тут же оскалилась и зарычала:

– Да вашего этого короля тоже небось ни одна девушка в здравом уме видеть не захочет! Кто ж с ледяшкой в кровать-то лечь согласится? Да вот даже жениховский хлеб сам не пришёл заказывать, послал какого-то снеговика. А как вы думаете, люди добрые, почему?! Да потому что король такой страшный, что его все девушки тут же испугаются!

– Не внесём мы её в список, – сказал советник спокойно. – Лучше гульдены возьмите.

– А мы и не просили Метте внести в этот ваш список, – ответил ему Нильс. – У нас другая просьба. Правда ли, что по воле короля снег через три дня ляжет?

– Истинная, – промолвил Снессен, и тоненький голосок его зазвенел ледяными колокольчиками. – Пора настала. Метель будет, праздник для нас всех будет! Снежный день!

– Вот, – сказала Инге. – Вы уж передайте, пожалуйста, если он желает завтра хлеб свой получить, то придётся мне целую ночь над ним трудиться. Так что цена моя немаленькая будет. Пусть его величество Ледяной король снегопад ещё на три дня отсрочит.

– Ради вот этой маленькой фрекен с дурным языком? – удивился советник. – Ну что же, я передам, но тогда одного хлеба мало, фру пекарь.

– А что же тогда ещё вы хотите? Свадебный каравай печь ещё рано, ведь он даже невесту-то толком не выбрал, – удивилась Инге, – а чем короля помимо того порадовать, я не ведаю.

– Ледяной король скучает по теплу, – ответил Снессен. – Принесёшь ему хлеб сама. Дорогу тебе укажет вот этот снежный шарик, смотри, не растопи его в своих горячих руках.

– Ох, – только и вымолвила Инге.

Впору свой дурной нрав да глупый язык проклинать. Вступилась, называется, за девушку. И к чему это привело?

А советник взял да исчез, оставив на прилавке золотые гульдены и снежок размером чуть побольше булочки с изюмом. Инге его поскорее схватила – и за порог вынесла. Куда б его, чтобы не пропал? Заметалась, закружилась на месте.

– Вы его в холодильник положите, фру Ольсен, – подсказал Нильс и подал Инге миску, чтоб снежок не затерялся там, в холодном погребе.

Так Инге и сделала. И только потом, вернувшись в дом, села на стул и вздохнула.

– Вот так история, – сказала, едва переведя дух.

И попросила всех уйти.

ГЛАВА 8. Хороший товарищ – половина дороги

Нильс Ильссон был не таковский парень, чтобы просто так покинуть пекарню и хозяйку. Лассе-угольщик вызвался проводить Метте Брёнссон Ну, а что до фру Ольсен, то она вернулась в пекарню. Нильс-младший, из рода Ильссонов, чтобы помочь, встал за прилавок. С достоинством выдержал недовольство скудным ассортиментом от горожан, продал почти весь свежий хлеб, еле дождался, пока хозяйка выставит ещё два больших железных листа с горячими буханками, накрытыми полотенцем, чтобы утешить тех, кому не хватило.

Булочки и печенье раскупили нынче не так охотно, но интересовались, будут ли завтра сладкий денмарский пирог, картофельный хлеб и прочее такое. Услышав, что завтра пекарня останется закрытой, многие возмущались так, словно ничем, кроме хлеба, не питались.

– Купите сегодня побольше, – сдержанно отвечал Нильс. – Не желаете взять дюжину печений вместо шести?

И так далее.

Зато они со столяром нынче почти закончили вращающуюся полку, утешал себя паренек, поглядывая на недострой в углу лавки. И рассчитывал, что, пока хозяйки не будет, пока она там ходит к Ледяному королю в гости, они вполне могут постоярничать с герром Хендрисеном на пару. Как раз доделают к её возвращению!

И даже хорошо, если лавочка будет закрыта, никто не помешает.

Вечером, закрыв лавку на замок и предоставив Нильсу уборку, которой он обычно не занимался, фру Ольсен принялась за своё волшебство. Нильс вытер прилавки и подмёл полы, впустил с улицы кошку с котёнком, чтобы ночью караулили дом от мышей, и только присел с чашкой тёплого молока возле тёплой стены, как со стороны лавки в дверь постучали.

– Нильс, открой, это я, – заглянул в окошко Лассе-угольщик.

– Чего вам угодно? – подражая приказчику из большого магазина в Даттё, спросил паренек.

– Мне угодно, чтобы ты открыл, – нетерпеливо сказал угольщик.

Нильс хмуро уставился в окно.

– Зачем? – спросил он.

– Затем, что через стекло плохо слышно, – ответил Лассе.

Пришлось открыть, но Нильс тут же не преминул напомнить:

– Она печёт жениховский хлеб. И вовсе не для вас! Вы слышали, герр угольщик, фру Ольсен не собирается ни за кого замуж.

– Нильс, это не твоё дело, – раздражённо сказал Лассе, – да и не моё тоже, собирается она или нет. А только я всё-таки Магнуссон, ты помнишь?

– И что? – спросил Нильс. – Не надо ей тут всяких кавалеров, герр угольщик. Не надо, даже Магнуссонов.

– Ты говоришь, словно старушка, – фыркнул Лассе. – У бабушки своей понабрался? Тётушка Тьюли тоже любит судачить о том, что её не касается.

– Я люблю фру Ольсен, – признался Нильс. – И хочу, чтобы она всегда была тут, и пекла хлеб. Она на мою маму похожа, только ей есть до меня дело... в отличие от мамы.

– Ну так и я люблю фру Ольсен, – воскликнул угольщик, кидая на стол рукавицы. На чистый стол! Свои чёрные от угольной пыли рукавицы! – Только я её не как мать люблю. Поэтому я остаюсь тут, чтобы она не вздумала с утра пораньше уйти туда одна.

– Я бы и сам с нею пошёл, – сказал Нильс, мысленно ругая себя за то, что придумал, как отсидеться в лавке, вместо того, чтобы быть как Лассе, который сразу же решил отправиться в путь с фру Ольсен.

– Ты бы пошёл, да толку с тебя? Тебя бы даже самый снежный советник не назвал бы «горячим», потому что, видишь ли, Нильс, у каждого волшебника есть внутри огонёк. А у тебя, друг, нет. Потому тебе лучше остаться. Ты изобретатель и сказочник, таких надо беречь.

– Это таких, как она, надо беречь, – кивнул на дверь в пекарню Нильс. – Эта Метте, она никому не нравится. И даже фру Ольсен её, между прочим, терпеть не может, но всё же идёт ради неё к королю.

И, подумав, спросил:

– Может, втроём пойдём?

– А за лавкой кто приглядит? – спросил угольщик. – Нет, герр помощник пекаря, придётся тебе за старшего тут побыть. Ничего не поделаешь.

Тут из пекарни выглянула Инге, оглядела их обоих, кивнула, будто только и ожидала, что увидать именно Лассе-угольщика.

– Фру пекарь, признавайся, с кем завтра пойдёшь к Ледяному королю? – тут же оживился Лассе.

– Одна пойду, – ответила Инге. – А что?

– Значит, со мной, – сказал угольщик. – Потому что хороший товарищ – половина дороги!

– А хороший ли? – спросила фру Ольсен. – Сам сказал, что на Метте не женишься, а сам с нею обжимался, а потом провожать пошёл.

Лассе слегка дёрнулся, но взгляда от Инге не отвёл.

– Сказал же: где болит, там и прикасаюсь. Девочка в ледяную воду хотела прыгать, разве можно её было отпускать одну?

Инге насупилась. Вот тут Нильс был полностью на её стороне. Этот Лассе и к вдове пытался пристроиться, рассудил паренек, и от богатой дочки Брёнссона на всякий случай далеко не отходил, вот как. Как ни верти, а неприятно должно быть фру Ольсен, что угольщик Метте провожал!

– Так что хочешь или не хочешь, фру пекарь, а я всё равно с тобой вместе пойду, – между тем сказал Лассе. – Не сумеешь меня прогнать. Да и сгодится тебе в дороге мой уголёк.

– Какой такой уголёк? – в один голос тут же спросили и Нильс, и фру Ольсен.

– Вот пойдём вместе, и узнаешь, – ответил Лассе, и больше уж от него ничего нельзя было добиться.

На ужин у фру Ольсен были нынче новомодный картофельный хлеб и жареная селёдка с луком. Нильса послали за четвертой пива, но у пивовара уже было закрыто, а в таверне ему не продали, сказали, что он ещё слишком юн для тёмного денмарского и светлого фарского. Нильс попытался возражать, что он уже достаточно взрослый, но ему показали табличку, где, по указанию губернатора, было написано, что с тысячи восьмьсот шестнадцатого года хмельное продаётся только тем, кому уже больше семнадцати лет. Вернулся Нильс ни с чем, ворча про себя, что всё равно бы не стал пить их дурацкое пиво, но если его хотелось отведать хозяйке и угольщику, то почему он не может купить его для них?

Так что за ужином пили брусничный морс, а после – горячий чай с хрустящими обрезками от слоеного пирога.

Только Инге всё время тесто проверять вскакивала. Раз два или три точно. И дышать на него боялась, и говорить громко рядом не рисковала, и Нильсу с угольщиком, когда они в пекарне сидели, молчать велела. А потом и вовсе спать прогнала, причём Лассе велела идти в комнату к Нильсу, как будто ему и одному там тесно не было.

А Лассе не пошёл. Сказал, что лучше тогда в лавке спать будет, хотя там и прохладнее. Нильс показал ему, где одеяло и подушку взять, а сам, едва прилёг, так сразу и уснул. Так устал! Хоть и тревожился за фру Ольсен, всё равно заснул моментально!

Нильс проснулся, когда ещё было темно, даже не сразу понял, что уже утро, только услышал за дверью тихие шаги. Выглянул, и увидел, что в комнате фру Ольсен горит свет. Сначала

даже встревожился, отчего-то подумал, что там какой-нибудь вор шарится, хотя зачем вору свет зажигать? Шарился бы впотьмах, чтоб никто не заметил...

Нильс взял со стола подсвечник с тремя свечами, свечи аккуратно вытащил, чтоб не попортить, они ещё и вполовину не сгорели, и пошёл выяснять, что там за воришка. Толкнул дверь – да так и застыл на пороге, багровея от неловкости от корней волос и, кажется, аж до самых кончиков пальцев ног. В комнате была только сама хозяйка.

Фру Ольсен стояла перед небольшим зеркалом, висевшим высоко и чуть внаклон, чтобы в него можно было увидеть побольше. Стояла в одной лишь тонкой рубашке, да и та была на груди распахнута. Нильс уставился на её отражение – ох, даже дышать стало горячо и трудно! Инге протянула руку за тёплыми чулками, что лежали рядом на сундуке, и только тогда заметила в зеркале застывшего на пороге помощника. Тот и хотел бы удрать, да ноги будто одеревенели.

– Ты чего поднялся ни свет ни заря? – спросила Инге спокойно, и только руки выдали её смущение: запахнула рубашку так поспешно, словно сквозняком проняло. – Я думала тебя ещё только через час будить.

– А... я думал...

Нильс не сумел придумать ничего достойного и медленно отошёл от двери. И наткнулся спиной на Лассе-угольщика, который оказался тут как тут, со свечой в руке.

– Подсматриваешь? – спросил он шёпотом.

Нильс поспешно затряс головой.

– Красивая? – ни капли не поверил Лассе.

И паренек тут же согласно кивнул. Ещё бы не красивая!

Угольщик усмехнулся и постучался к фру Ольсен.

– Я сейчас выйду, – ответила она коротко.

– А хлеб-то готов? – спросил Нильс у Лассе.

– Готов, готов, остывает, – ответил тот. – Фигурки такие красивые! Я б у неё заказал для себя такой хлеб, да только ты сам посуди: неловко как-то.

– Почему неловко? – удивился Нильс.

– Как я ей потом этот хлеб преподнесу? И как она его примет, если сама же с ним несколько часов на кухне возилась? Видно, придётся самому печь.

Нильсу отчего-то было неприятно, что Магнуссон так и не оставил своих планов жениться на фру Ольсен. Конечно, угольщик – это не тролль, не Ледяной король и даже не противный снежный советник, но наверняка фру Ольсен мужа и получше может себе выбрать, если захочет.

Да только она-то сказала, что не захочет...

– Пойду молока погрею, – пробурчал Нильс. – И поесть ей соберу.

И уже повернулся к лестнице, как дверь, у которой они с угольщиком стояли, отворилась. И вышла фру Ольсен, одетая тепло, по-дорожному, в тёплых чулках, толстой суконной юбке, крепких башмаках да вязаной кофте. Осталось только козушок и шапку надеть, и готова в дорогу!

– Надо было хоть кому-нибудь спросить, далеко ли идти, – сказал Нильс, пытаясь не смущаться ещё больше, потому что впечатление от почти раздетой хозяйки пекарни всё ещё не изгладилось, – а то не знаю, много ли вам еды собирать в дорогу.

– Как? Ты же сам сказочник, – сказал Лассе, – должен знать, где Ледяной король живёт!

Спустились в пекарню, и там Нильс, поставив на плиту молоко в ковшике, сказал:

– Вот про тролля я слышал. Да и всем ведь известно, что раз он тролль с высокой горы, то и живёт понятно где: на вершине Хайбьерг, плоской и лысой, как макушка горного великана. А вот про то, где дворец Ледяного короля стоит...

Он вдруг замолк, замер, и фру Ольсен едва спасла вскипевшее молоко.

– Сварю-ка я лучше какао, – сказала она, отставляя ковшик в сторону. – Оно сейчас лучше взбодрит, а то от горячего молока в сон потянет.

А Нильс всё стоял, соображал, вспоминал, пока не щёлкнул пальцами.

– Да, – воскликнул он наконец, – вспомнил. Была такая потешка в детстве: «Ледяной король играет, снег нам с неба посылает, он сидит себе на троне в ледяной своей короне, он на троне высоко, от деревни далеко. Там, где небо ниже крыши, там, где ветер тише мыши, между морем и землёй, меж закатом и зарёй. Весь ноябрь занят делом он на острове на Белом, в ледяном своем дворце на серебряном крыльце. Шлёт нам снег из царства льда, что не тает никогда!»

– И что? – спросил его Лассе. – Это непохоже на точный адрес. Будь я почтальон, не нашёл бы короля по такому стишку.

– Подожди, герр уголыщик, не спеши, – сказала Инге, – белый остров между морем и землёй – это не тот ли островок, что в устье реки Флёдей? Там ещё всегда туман такой, что ничего не видно. Мы туда когда-то на лодке сплавлялись, ещё отец мой был жив.

– Может, и верно, – пожал плечами Лассе. – Поглядим, куда снежок укажет да куда стишок приведёт, раз более точно никто не скажет! Хотя я бы предпочёл точную карту.

– Но теперь я хотя бы примерно знаю, – сказал Нильс, – сколько вас не будет и что положить вам в дорогу.

И помчался собирать вещи.

ГЛАВА 9. У молчаливых дорога длиннее

– Значит, до реки пешком, потом наймём лодку и до острова на ней, – сказала Инге, готовясь выйти из дома через лавку. – К вечеру уж там будем, а то и раньше! Ну, а завтра домой вернёмся.

Тяжёлая сумка давила широкой лямкой на плечо. Рука была занята корзиной, в которой лежал жениховский хлеб, ещё хранящий тепло от печи. Сахарные фигурки, завернутые в вощёную бумагу, а затем в чистое полотно, Инге положила туда же.

Лассе поправил на спине вещевой мешок, вздохнул:

– Поверить не могу, что всё это ради самой противной девушки во всём Грюнфорте! Начинаю жалеть, что подслушал разговор старого Брёнссона с троллем.

– А самого тролля не видел? – спросила Инге с любопытством, но Лассе не успел ответить.

Звякнул колокольчик, и вошла Метте. Одета тепло и добротно, словно тоже в путь собралась.

– Я с вами, – сказала девушка твёрдо. – Я так решила.

– Что-то вы решили, а других не спросили, фрекен Брёнссон, – не удержалась от колкости Инге. – Идите-ка домой, а не хотите, можете пока себе жениха побегать, поискать.

Красивое бледное личико дрогнуло, и Инге показалось, что востроносенькая снова вот-вот заплачет. И глаза вон красные, и губы припухшие. Но Метте сдержалась, только сказала:

– Я с вами. Это ведь из-за меня всё, так почему кто-то должен идти вместо меня? Тебе, фру Ольсен, советник велел хлеб принести, а ты, Лассе, провожаешь, так?

– Не могу ни одну женщину не провоженной оставить, понимаешь ли, – пошутил Лассе, да так не к месту, что Инге поморщилась. Провожальщик нашёлся, ещё и слова коверкает!

– Я тоже иду, – твёрдо сказала Метте. – Я вам и в пути пригожусь.

– Одеядло взяла? – спросил Лассе. – Поесть в дорогу? А запасные башмаки прихватила?

– А как же, – сказала девушка. – Идёмте, Ганс доведёт докуда сможет.

– Ты и Ганса прихватила? – удивился Лассе.

– Он мой верный слуга, – ответила Метте. – Отец и не отпустил бы меня одну.

– Едем, – вздохнула Инге. – Пока половина пригорода с нами в путь не собралась!

Не хотелось ей втроём с этой вздорной девчонкой путешествовать! Но Метте была права в том, что всё случилось из-за неё. Да и доехать до реки на повозке будет неплохо, она и сама бы могла добраться дотуда на одноколке, но только как бы бросила там запряжённого Пончика? Оставить пони на произвол судьбы было бы невозможно, а если их отвезёт слуга Брёнссонов – другое дело. «А там, глядишь, Метте устрасится плыть на лодке по холодной и глубокой реке, да и уедет обратно со своим Гансом, – подумала Инге. – Попробуем её убедить, в случае чего!»

Она обняла Нильса – тот застеснялся, покраснел и принялся бормотать что-то под нос. Вышли, вдохнули пахнущего заморозками воздуха, достали из погреба снежок и положили его на дорогу. Ганс тронул терпеливых мохнатых лошадок с места следом за белым снежным шариком, который споро покатился вперёд, не пачкаясь и не разваливаясь на части. Повозка была крытая, тёплая, сидеть в ней, положив ноги на захваченные Метте туго свёрнутые одеяла было удобно и мягко.

Одно смущало Инге: неловкое молчание, охватившее их троих. Только и слышно было, как посвистывает Ганс да фыркают лошадки. Раннее утро постепенно разгоралось всё ярче, солнце поднималось выше, пригород быстро кончился и пошли унылые поля, покрытые инеем, да редкие островки деревьев, уже давно облетевших – а в повозке царило молчание.

Лассе делал вид, что дремал, Метте смотрела в окно так внимательно, словно за ним открывались невиданные красоты, а Инге не знала, куда деваться от неловкости. Сидела она рядом с девушкой, напротив угольщика, и постоянно ловила себя на том, что он притягивает её взгляды.

Волшебник. Магнуссон. А ведь очень часто волшебников в сказках Денмаре звали Магнусами, а иногда даже Магнусами Великими! Но, как высказался Лассе, он – не Магнус. Только ведь Инге помнила, как он вылечил боль в спине, хоть и стыдно это ей показалось, но ведь с той поры ничего и не болело! Раньше ведь нет-нет, да и прихватывало то в пояснице, то в низу живота, а нынче вон на прошлой неделе даже женские дни у Инге прошли не как обычно, а ровно, без боли. Вылечил... А сам-то тогда побледнел, с лица спал, вспоминала фру Ольсен, и снова, снова, снова поглядывала на угольщика.

На мелкие морщинки возле глаз, куда въелась угольная пыль, на светлые, но густые и длинные ресницы, на ровный нос и чёткие брови... И так вдруг захотелось, чтобы он сидел рядом, касаясь бедром бедра, и чтобы тоже можно было невзначай задремать, да и уронить ему на плечо отяжелевшую голову.

И тут вдруг Лассе открыл глаза – ясные, ничуть не сонные – и подмигнул Инге. Тьфу ты, будто мысли подглядел, стыдно стало до того, что она не знала, куда собственные глаза девать, не притворяться же теперь спящей?! Потому Инге нахмурилась и отвела взгляд, только и всего.

– Скоро приедем-то? – спросил угольщик.

– Не знаю, – шёпотом ответила Инге, хотя никто вроде бы уже не спал.

– Тогда, может, перекусим немножко? – оживилась Метте. – У меня тут и колбаса есть, и яичный пирог с ветчиной и сыром...

Инге вытащила то, что припас Нильс – варёную говядину, нарезанную крупными ломтиками, зельц, обильно приправленный чёрным перцем и чесноком, ржаной хлеб. У Метте в сумке нашлись две фляги – с рябиновым вином и с водкой, настоящей на травах, а у Лассе в мешке – укутанная в тёплый платок бутылка сладкого чая, ещё не совсем остывшего.

– Хмельное лучше оставь для лодки, там небось продрогнем, – сказал угольщик, нарезая хлеб. – Ну, как оно там – благословите нас все боги, старые и новые, да ниспошли Господь благодать на хлеб наш и соль, и чего там ещё.

– Ты что, ни одной молитвы как следует не знаешь, герр угольщик? – удивилась Инге.

– Знаю, да только не приучен я молиться, – ответил Лассе, смущаясь. – Мать с отцом никогда не молились, им проще было... кхм...

Он поспешно положил на кусок хлеба ломоть мяса и набил ими рот.

– Они больше по проклятиям были да по злым чарам, так говорят, – высказалась Метте.

– Вовсе нет, – проглотив еду, произнёс Лассе. – Волшебники вовсе не злые.

– Твой отец, Магнус Магнуссон, был злым колдуном, а насчёт Иветты я не знаю, но кто ж за колдуна-то выйдет, как не ведьма? – сказала Метте.

Инге вздохнула. В молчании дорога вдвое дольше кажется, но только вот ссориться ещё хуже.

– Я не верю, что Лассе воспитали злые люди, – сказала она, чтобы прекратить спор. – Посмотри, какой он добрый.

– Так это потому, что они рано померли, – не унималась девица. – И умерли, когда Грюнфорт сжечь хотели.

– Не были они злыми, – нахмурился Лассе. – Кто тебе рассказывал? Твой дед, старый герр Брёнссон, да? Мне вот говорили, что он своё сердце продал троллям, и в груди у него кусок золота. Мне что, в это верить? Или про твоего отца вспомнить, который тебя троллю продал, обменял за свою жизнь? Да если б у меня ребенок был, я бы за него умер!

– Ты про моего отца помалкивай, – взвился голос Метте. – Забыл, на чьей повозке едешь и чьи кони тебя везут?!

– Я и пешком бы дошёл, – ответил угольщик хмуро. – Ганс, эй, Ганс! Будь добр, останови повозку. Мы с фру пекарем без вас пойдём.

Метте, однако, тоже крикнула:

– Не останавливай, Ганс! До речки уж близко, гони поскорее!

Повозка, уже замедлившая было ход, резко дёрнулась и поехала быстрее. При этом её так качнуло, что вся еда посыпалась с колен и с расстеленного поверх узлов с вещами платка. Метте, однако, даже не пошевелилась, чтобы поднять пищу.

– Метте, дёрг тебя за ногу, вот бедовая! Ведь не тряпку, хлеб уронила, – рассердилась Инге и принялась подбирать всё упавшее, возвращая на платок. – Разве можно так едой разбрасываться?!

– Да не всё ли равно? Если денег много, проще свежую еду купить, а эту повыбрасывать. Грязная же!

– Ничего не грязная, – очищая и бережно заворачивая в бумагу остатки трапезы, проворчала Инге. – Нельзя так. Еду надо беречь, особенно в дороге.

Метте вдруг надулась, отвернулась к окну, обхватив плечи руками.

Вздорная она всё-таки и грубая! Нельзя так. Да и потом, если они хотят до Ледяного короля добраться не только быстро, но и мирно, то всем троим придётся и норов придерживать, и язык! И Инге решила, что постарается вести себя с Метте строго, сдержанно и терпеливо. Как со скандальным покупателем! Уж не сложнее будет, чем с теми же Сёренсенами или даже вот с собственной свекровью! Это благодаря ей научилась Инге любые оскорбления принимать с невозмутимым лицом. А юной фрекен Брёнссон и не снилось, какой изобретательной может быть женщина, желающая побольнее уколоть сноху. Да и вообще, судя по всему, девушка мало сталкивалась с несправедливостью жизни, видимо, добрые родители уберегали её от всего, от чего только могли. Вот и получилась у них избалованная девочка, с которой непросто поладить, если не продолжать баловать.

Вот только Инге ей потакать не собиралась! Спорить и впрямь не будет, но и баловать её не станет, капризницу и скандалистку этакую.

И снова они ехали молча. Правда, уже недолго: впереди, наконец, показалась река, делающая плавный изгиб и уходящая к горному ущелью, окруженному скалами. Здесь повозка развернулась и поехала вдоль берега к речной пристани. Вот и приехали!

То был небольшой городок, дымящий трубами, водяная мельница, загребающая воду лопастями, запах сырости и рыбы. Но самое главное – небольшой порт с деревянными причалами, ремонтный док и множество лодочных сараев.

– Здесь можно взять лодку внаём, – обрадовалась Метте. – Чур, я капитан, а вы команда!

Она вела себя, как ребёнок, и желание Инге вернуть девушку домой вместе с Гансом, лошадьми и повозкой усилилось.

В городке у реки Флёдей было промозгло и холодно, а это ничуть не улучшало настроения и не умеряло плохих предчувствий. Инге натянула рукавички, взяла в руку снежный комок – чудно, но он так и не испачкался, вот ничуточки. И сказала:

– Хорошо, фрекен Брёнссон, вы капитан, а я пойду и куплю лодку.

Подчеркнула «куплю», чтобы было понятно, что она судовладелец, то есть главное капитана. Лассе, по-видимому, развлекался, глядя на них, но пока помалкивал, и хвала Господу. Иначе получил бы сейчас плюх от обеих женщин.

Но лодку они всё же выбрали втроём. И не купили, а наняли – вместе с хозяином и его помощником. Старик и мальчик лет двенадцати ловко уложили вещи в рундук на носу, покрыли навощённым полотном. Инге только драгоценную корзинку с заказанным хлебом не отдала, решила, что так и поедет с нею в руках. На корме лодки натянули навес от дождя и ветра, а затем подняли парус – и река подхватила лодку, словно серую уточку, понесла вниз по течению, к морю. Узкая банка резала зад, но сидеть втроём, по обе стороны от Лассе, прижавшись к нему, было уютно и спокойно. От него шло ровное тепло, словно от печки. Однако, помня, как угольщик побледнел и будто бы подёрнулся пеплом, когда исцелял её, Инге задумалась – а во что встанет ему это согревающее волшебство?

Пока, конечно, Лассе выглядел как обычно, даже улыбался, блестя глазами то вправо, то влево. Наверно, сравнивал. Выбирал, которая из девушек ему больше подходит. И подумав так, Инге вновь загрустила. Она не считала себя настолько уж лучше, чем Метте, и тягаться с нею было глупо. Тем более, что капитан тут – старик лодочник, он же и владелец. Так что место у руля им делить незачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.